

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направления подготовки/специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны»

Обучающийся

А.В. Тенгерев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, П.А. Кабанов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Актуальность данной работы заключается в том, что при квалификации преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, возникает значительное количество проблем, которые требуют решения. Сложности связаны с определением правомерности причинения вреда и выявления фактов превышения пределов необходимой обороны, отграничением рассматриваемых составов от других преступлений, схожих по своим отдельным признакам.

Цель исследования – уголовно-правовой анализ преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны, нацеленный на выявление проблем их квалификации, а также на поиск решения таких проблем.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие и охарактеризовать правовую природу необходимой обороны;
- определить понятие пределов необходимой обороны и правовые последствия их превышения
- исследовать объективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны;
- проанализировать субъективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны;
- выявить проблемы квалификации преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика необходимой обороны в российском уголовном праве и превышения ее пределов	7
1.1 Понятие и правовая природа необходимой обороны	7
1.2 Понятие пределов необходимой обороны и правовые последствия их превышения	19
Глава 2 Уголовно-правовой анализ преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны	29
2.1 Объективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны	29
2.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны	45
Глава 3 Проблемы квалификации преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны	54
Заключение	64
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Деяния, совершаемые при превышении пределов необходимой обороны, привлекают внимание исследователей и правоприменителей на протяжении многих лет по той причине, что их квалификация достаточно затруднена. Прежде всего следователи и судьи в своей профессиональной деятельности сталкиваются с необходимостью определить, действовало ли лицо правомерно или соответствующие условия были нарушены, в связи с чем, оно должно подлежать уголовной ответственности. Затруднение заключается в том, что законодательные формулировки в сфере регламентации необходимой обороны достаточно сложные, изобилуют понятиями оценочного характера, в связи с чем невозможно избежать определенного субъективизма при квалификации случаев причинения вреда нападавшему лицу.

В том случае, когда решение судом принято ошибочно, возможны негативные последствия в виде привлечения к уголовной ответственности лиц, действовавших правомерно в рамках необходимой обороны, что, безусловно, должно быть исключено. Лица, преследующие социально полезные цели, стремящиеся защитить личные или общественные интересы от противоправных посягательств, не должны подвергаться уголовному преследованию, что прямо предусматривает уголовный закон, отнеся состояние необходимой обороны к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. Однако, ошибки все же допускаются. Так, в 2022 году было осуждено 214 лиц по ч. 1 ст. 108 УК РФ, а два лица было оправдано судом. По ч. 1 ст. 114 УК РФ было осуждено 416 лиц, 7 лиц было оправдано. Соответственно, следственными органами к уголовной ответственности указанные лица были привлечены ошибочно.

Существуют и некоторые проблемы теоретического характера, связанные с определением необходимой обороны как одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Последние в настоящее время образуют систему и находят свое закрепление в отдельной главе Уголовного кодекса

Российской Федерации, но в научном сообществе неоднократно указывалось на тот факт, что наименование указанной главы не отвечает ее содержанию. Немало дискуссий существует и по поводу значения исследуемых обстоятельств. Не удастся, верно, отграничить преступления, совершаемые при превышении пределов необходимой обороны, от других преступлений.

Все изложенное свидетельствует о том, что в настоящее время тема, связанная с особенностями и проблемами уголовной ответственности за преступления, совершенные с превышением пределов необходимой обороны, является актуальной, значительное количество вопросов в данной сфере требует дальнейших исследований и выработки предложений по разрешению возникающих проблем.

Объект исследования – общественные отношения в сфере уголовной ответственности за преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны.

Предмет исследования – нормы уголовного закона, устанавливающие ответственность за преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны, практика применения этих норм и научные труды, посвященные анализируемой проблематике.

Цель исследования – уголовно-правовой анализ преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны, нацеленный на выявление проблем их квалификации, а также на поиск решения таких проблем.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие и охарактеризовать правовую природу необходимой обороны;
- определить понятие пределов необходимой обороны и правовые последствия их превышения
- исследовать объективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны;

- проанализировать субъективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны;
- выявить проблемы квалификации преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны.

Теоретическую основу исследования образуют научные труды авторов в сфере уголовного права, раскрывающих различные аспекты необходимой обороны и ответственности за деяния, совершенные при превышении ее пределов. Среди авторов, внесших существенный вклад в раскрытие анализируемой темы, можно назвать таких авторов, как Ю.В. Васильев, М.Р. Галимов, Д.А. Гарбатович, Н.О. Гогин, К.Е. Добрынина, Н.А. Егоров, А.В. Зеленов, А.Г. Кибальник, П.Н. Кобец, А.В. Марченко, О.А. Матвейчук, П.И. Рулева, М.М. Юшин и др.

Методологическая основа работы представлена диалектическим методом научного познания. На его основе при разработке темы исследования были применены такие общенаучные методы познания, как методы системного и комплексного анализа, метод формальной логики. Кроме того, в работе использованы частные методы исследования, в том числе сравнительно-правовой, методы толкования закона и толкования права.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика необходимой обороны в российском уголовном праве и превышения ее пределов

1.1 Понятие и правовая природа необходимой обороны

Традиционно исследование какого-либо правового института подразумевает обращение к его историческим корням, анализ предпосылок становления этого института, этапов его развития, позволяет достаточно полно оценить, каким образом и в зависимости от каких именно обстоятельств происходило его изменение. Поэтому при изучении необходимой обороны целесообразно уделить внимание вопросам становления института обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также возникновению и развитию в качестве такого обстоятельства необходимой обороны.

Обращение к историческим источникам позволяет сделать вывод о том, что уже в древнерусский период нашего государства появляются некоторые обстоятельства, исключающие преступность деяния. Это было обусловлено необходимостью разграничить причинение вреда в результате действий, в основе которых лежат исключительно низменные мотивы, что определяет общественную опасность таких деяний, и причинение вреда, хоть и формально противоправное, но обусловленное социально значимыми мотивами, стремлением избежать еще более опасных последствий.

Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния, характеризуется наибольшей длительностью ее существования в российском государстве. Именно она становится первым обстоятельством, при наличии которого лицо, причинившее вред, могло избежать уголовной ответственности.

Впервые определение необходимой обороны заключается в самом раннем письменном источнике древнерусского уголовного права, дошедшем до наших дней – в Русской Правде. В ст. 13 и 14 указанного правового источника было установлено право лица обороняться в том случае, когда

осуществляется противозаконное посягательство на его собственность, выраженное в совершении разбоя или грабежа. Но существовали и определенные ограничения, на которые обращено внимание В.С. Афондиным: «убийство «ночного вора» не влекло наказание только при условии его сопротивления задержанию, если же удавалось его обезвредить (например, связать), убийство не допускалось, так как опасность считалась миновавшей, и лишение жизни вора в этом случае представляло собой уже убийство из мести» [5, с. 12].

Несмотря на то, что уголовное право активно развивается, появляются новые виды преступлений и некоторые правовые институты, необходимая оборона многие годы остается единственным обстоятельством, наличие которого обеспечивало отсутствие преступного характера в действиях, причиняющих вред в соответствующем состоянии, возникающем в связи с противоправным посягательством. Но при этом сама необходимая оборона постепенно развивается, охватывая все большее количество аспектов. Если изначально подразумевалась возможность оборонительных действий исключительно в случае посягательства на имущество, то постепенно закон позволяет обороняться и в случае посягательств на естественные и личные права людей.

Значительное развитие в институте необходимой обороны можно обнаружить в связи с принятием Соборного Уложения 1649 г. Этот правовой источник расширяет содержание права на необходимую оборону, закрепляя возможность защиты не только имущественных прав, но и личных. В первую очередь, не являются в соответствии с исследуемым правовым актом преступными любые действия, совершаемые обороняемым в случае угрозы его жизни. Кроме того, гарантировалась правомерность защиты от посягательств на здоровье человека и женское целомудрие [28, с. 189]. Такой подход можно объяснить осознанием в рассматриваемый период развития государства ценности человеческой жизни и здоровья, а также женской чести.

Следующим значимым источником уголовного права, внесшим весьма существенный вклад в развитие различных его институтов, выступает Воинский Артикул 1715 г. Исследуя положения указанного правового акта, следует отметить определенную специфику регламентации необходимой обороны. Если до этого законодательство шло по пути расширения содержания анализируемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, то в Воинском Артикуле скорее появилась его конкретизация.

В первую очередь, были введены некоторые ограничения использования права на необходимую оборону. Именно с момента введения в действие исследуемого источника уголовного права появляется указание на необходимость учета соразмерности причиненного вреда (действий, в результате совершения которых причинен вред) и посягательства, а также указание на необходимость своевременности совершаемых оборонительных действий. Таким образом, необходимой обороной признавались действия, которые были соразмерны действиям нападающего (посягающего) на охраняемые законом интересы лица, предпринятые своевременно (когда существовала угроза причинения вреда нападавшим).

Четко определялось основание необходимой обороны – исключительно защита от противоправного посягательства. Закрепление такого подхода существенно сужало и конкретизировало возможность реализации исследуемого права, так как ранее фактически не исключалось признание необходимой обороны и по мотивам мести, например, за похищенное имущество или причинение вреда здоровью.

Законодательное закрепление соразмерности как одной из составляющих необходимой обороны привело и к установлению ее пределов. Несмотря на то, что напрямую такой термин не использовался, фактически превышение пределов необходимой обороны представляло собой преступление, ответственность за которое могла быть меньше, нежели за причинение вреда без каких-либо элементов необходимой обороны. Таким образом, с моментом появления Воинского Артикула появляются

предпосылки и к появлению привилегированных составов причинения смерти и вреда здоровью в том случае, когда лицо действует в состоянии необходимой обороны, но при этом превысило ее пределы.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года справедливо рассматривается как один из наиболее значимых и полных источников дореволюционного уголовного права. Такой статус рассматриваемый правовой документ получил в силу предпринятой законодателем попытки систематизировать основные положения различных институтов уголовного права, и институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, также был подвергнут развитию, реформированию и систематизации.

В первую очередь следует отметить расширение круга обстоятельств, исключающих преступность деяния. Необходимая оборона продолжает занимать в нем значимое место, но помимо нее в качестве таковых рассматриваются также безумие, ошибка, принуждение от превосходящей непреодолимой силы.

В рамках правовой регламентации необходимой обороны появляются определенные уточнения, в частности, предусмотрено, что соответствующее право на оборону от посягательства может быть реализовано при защите своей собственности, если лицо, посягающее на нее, сопротивляется собственнику, а также продолжает свои преступные действия после того, как были высказаны требования их прекращения [36, с. 107].

Изложенное свидетельствует о том, что именно в 1845 г. предприняты значимые шаги по систематизации обстоятельств, исключающих преступность деяния, и закреплению их на законодательном уровне. Необходимая оборона регламентируется достаточно полно, определяются ее основания и содержание, которые было несколько более широким по сравнению с современным, так как понятием необходимой обороны охватывалось также и задержание лица, совершившего преступление, когда

такому лицу причинялся вред, обусловленный необходимостью пресечения его противоправных действий или его задержания.

В Уложении 1903 г. институт необходимой обороны практически не подвергается изменениям, но расширяется перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. В качестве них в соответствии с рассматриваемым правовым источником выступают: «исполнение закона; исполнение приказа; дозволение власти; осуществление дисциплинарной власти; осуществление профессиональных обязанностей; осуществление частного права; необходимая оборона; крайняя необходимость» [48, с. 104].

То есть, еще дореволюционное право уже содержало определенные зачатки правовой обстоятельств, исключающих преступность деяния, более того, формируется их система, а право на необходимую оборону получает достаточно полную регламентацию: определяются основания и условия, при которых причинение вреда обороняющимся не является преступным.

В 1917 году происходят существенные изменения в различных сферах, включая и уголовно-правовую, многие институты претерпевают существенные изменения, среди них и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Если, как уже было отмечено, на последних этапах дореволюционного периода развития российского государства была сформирована целая система обстоятельств, исключающих преступность деяния, то в первые годы советской власти происходит отказ от такого подхода и сохраняется только необходимая оборона.

Право на нее находит свое закрепление сначала в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г, затем и в ст. 19 УК РСФСР 1922 года «Не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны» [48, с. 104]. Практически без изменений право на необходимую оборону продолжает существовать в других

правовых актах советского периода, регламентирующих уголовно-правовую сферу.

В УК РСФСР 1926 года практически аналогичным образом был регламентирован институт обстоятельств, исключающих преступность деяния. Так, в ст. 13 указывалось: «Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены ими в состоянии необходимой обороны против посягательства на Советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Меры социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом» [48, с. 105].

В соответствии со ст. 13 УК РСФСР 1960 г. «Каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства, от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Правомерной является защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства, путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Защита от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно несоответствующих характеру и опасности посягательства» [28, с. 189].

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. [24] предопределяет внесение существенных изменений в уголовно-правовой сфере, в том числе, и в регламентацию института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Права и свободы человека и гражданина провозглашаются в качестве основной цели, в связи с чем, социально-значимые действия требуют определенных поощрений. Именно в соответствии с рассматриваемой позицией и происходит принятие действующего УК РФ [53], где важной составляющей выступает исследуемый институт.

О том, какое значение ему придает современный законодатель, свидетельствует выделение обстоятельств, исключающих преступность деяния, в отдельную главу.

Для того, чтобы составить полное понимание о том, каким образом сформировался современный институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, насколько он впитал предыдущий опыт, следует проанализировать основные признаки рассматриваемых обстоятельств, среди которых важное место продолжает занимать необходимая оборона.

Следует отметить, что в научном сообществе имеются разные мнения по поводу того, какими именно признаками обладают обстоятельства, исключающие преступность деяния, что и позволило все их объединить в определенную систему.

С точки зрения М.Р. Галимова, в качестве признаков исследуемых обстоятельств надлежит рассматривать следующие:

- они всегда представлены определенным поведенческим актом человека;
- данные обстоятельства определены свободой воли лица при осуществлении им каких-либо действий;
- эти обстоятельства обладают существенным сходством с преступлением, поскольку влекут причинение какого-либо вреда, а

действия в их формальном понимании являются незаконными (например, нанесение ударов другому человеку;

- им присуща правомерность, поскольку действия признаются совершенными в рамках определенных обстоятельств, которые обуславливают возможность их совершения, несмотря на формальную противоправность [12, с. 22].

Рассмотрев изложенную позицию, считаем возможным указать на один существенный недостаток в ней – признаки, выделяемые применительно к нескольким обстоятельствам, должны обладать общностью, то есть, быть присущими если не всем таким обстоятельствам, то хотя бы большинству из них. В то же время, полагаем, что признак свободы воли не может рассматриваться в качестве такового. Поэтому нами предпринята попытка на основе мнений разных исследователей, предложить собственную систему признаков, характеризующих обстоятельства, исключающие преступность деяния.

В качестве первого признака предлагается рассматривать характеристику вреда, причиняемого при обстоятельствах, исключающих преступность деяния – он имеет достаточно много сходства с вредом, причиняемым при совершении преступления (например, при необходимой обороне возможно причинение смерти или тяжкого вреда здоровью, как и в случае совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 111, 105 УК РФ и т.д.) [29, с. 68]. Однако, различие заключается в том, что деяние, совершаемое при каком-либо обстоятельстве, исключающем преступность деяния, не обладает таким признаком, как виновность. Лицо в данном случае не может осознавать общественной опасности своих действий (бездействия), поскольку уверено, что действует в благих, социально значимых целях, предотвращая опасность, минимизируя ее и т.д.

Второй признак состоит в том, что причинение вреда практически всегда – следствие поведения человека, а не каких-либо иных сил и механизмов. Этот

признак присущ практически всем обстоятельствам, исключая преступность деяния.

В качестве третьего признака надлежит рассматривать неприступность деяния, он прямо вытекает из наименования исследуемых обстоятельств. По поводу того, что преступность в исследуемых деяниях отсутствует, представители научного сообщества единодушны, однако, различаются мнения относительно вопроса о том, каким является поведение в данном случае.

Достаточное распространение имеет мнение о том, что поведение в рассматриваемых ситуациях надлежит рассматривать как общественно полезное [14, с. 117], социально допустимое [21, с. 15].

В то же время, существует и значительно отличающаяся позиция, которая заключается в том, что поведение лица при таких обстоятельствах надлежит признавать социально опасным, что аргументируется причинением опасных последствий [16, с. 792]. Мы последнюю из приведенных точек зрения не разделяем, поскольку в качестве социально опасного рассматриваются именно преступные действия, а анализируемые обстоятельства не являются преступными именно в силу того, что поведение человека подчинено достижению социально значимых, полезных для общества целей.

Четвертый признак нами определяется как наличие особой обстановки, вследствие которой и возникают основания определенного поведения человека и причинения вреда. Факторы создания этой обстановки могут быть различными, «характерными для отдельных обстоятельств, исключая преступность деяния. В частности, при необходимой обороне она создается противоправным общественно посягательством со стороны лица, которому причиняется вред» [14, с. 117].

Определив основные признаки обстоятельств, исключая преступность деяния, следует затронуть также и вопрос о том, на основании чего конкретное обстоятельство относится к числу не имеющих признаков

преступного, исключая преступность. Рассматриваемый вопрос был достаточно подробно раскрыт в научном труде А.В. Зеленова, который рассмотрел подходы представителей уголовно-правовой доктрины советского периода, выделив три основных.

В основе первого подхода лежит утверждение о том, что обстоятельство может быть признано исключая преступность деяния только при условии, что не имеет признака общественной опасности, ее наличие исключает и возможность отнесения деяния к обстоятельству, исключая преступность.

Второй подход базируется на том, что у деяния должен отсутствовать признак противоправности. Только правомерное, не запрещенное законом поведение, может рассматриваться в качестве обстоятельства, исключая преступность деяния, в ином случае возникает необходимость признания содеянного преступлением.

Сторонниками третьего подхода обстоятельства, исключая преступность деяния, характеризуются более обобщенно – они имеют место только в том случае, когда отсутствуют признаки преступления [20, с. 242].

Представляется, что последний подход надлежит признать наиболее правильным, поскольку действия в обстоятельствах, исключая преступность деяния, не обладают общественной опасностью, являются правомерными, не содержат при этом вины.

По мнению А.В. Зеленова, существует необходимость наличия совокупности юридически значимых признаков, наличие которых позволяет связать все исследуемые обстоятельства в систему и обосновать их общность. В качестве таких признаков указанный автор предлагает относить следующие:

- вред, причиняемый в исследуемых обстоятельствах, по своим объективным признакам всегда является преступным, то есть, тем, за причинение которого предусмотрена уголовная ответственность, если причинение его осуществляется не в данных конкретных обстоятельствах;

- причинение вреда осуществляется лицом, обладающим признаками субъекта преступления, но содеянное не признается уголовно-наказуемым деянием в силу фактической или юридической ошибки;
- причинитель вреда подвергается определенному внешнему воздействию, в связи с чем содеянное не рассматривается как противоправное деяние;
- признак противоправности исключается в силу соблюдения причинителем вреда критериев противоправности, при их нарушении деяние расценивается как противоправное [20, с. 242].

В свете анализа становления современной системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, интерес вызывает исследование наименования соответствующей главы (гл. 8 УК РФ). Оно не является новым для российского уголовного законодательства и было заимствовано из ранее действующего источника уголовного права советского периода. Однако на современном этапе среди исследователей имеется мнение о несоответствии наименования главы ее содержанию, сущности тех обстоятельств, которые включены в рассматриваемую главу.

В частности, с точки зрения А.И. Трахова, «существующее наименование гл. 8 УК РФ не может рассматриваться как соответствующее ее содержанию, поскольку в нормах данной главы указываются не обстоятельства. Законодатель в указанных нормах сосредоточил определенные деяния, которые совершаются при исключающих преступность деяния обстоятельствах» [50, с. 64].

Полагаем, что приведенное мнение заслуживает поддержки по той причине, что за пределами гл. 8 УК РФ, в уголовном законе можно найти и другие нормы, речь в которых идет об обстоятельствах, вследствие которых деяния также не признаются преступными. Примером может быть закрепленное в ч. 2 ст. 14 УК РФ положение о малозначительности деяния, вследствие которого действия (бездействие) при определенных факторах не признаются преступными.

Интересный подход предлагает Э.Е. Моллаев, предлагая разделить обстоятельства, наличие которых влечет признание деяния преступным, если рассматривать их с широкой точки зрения – не только как обстоятельства, сосредоточенные в гл. 8 УК РФ, но и в иных нормах уголовного закона, на две группы.

Указанный исследователь предлагает в первую группу объединить те обстоятельства, наличие которых исключает уголовную ответственность при совершении уголовно-наказуемого деяния (находящиеся в Общей части УК РФ, но не включенные в гл. 8), а во вторую группу он относит те обстоятельства, которые сосредоточены в указанной главе [31, с. 36].

Аргументация предлагаемого подхода достаточно проста: если обстоятельства исключают наступление уголовной ответственности, они и исключают и преступность деяния, поскольку наличие последней не может исключать уголовной ответственности. Что же касается тех обстоятельств, которые включены в гл. 8 УК РФ, в соответствии с рассматриваемым подходом – они исключают преступность деяния при причинении определенного вреда, поэтому наименование этой главы требует изменения, поскольку в большей степени в ней содержатся нормы, определяющие не столько исключение преступности, сколько обосновывающие возможность причинения вреда при определенных обстоятельствах. Именно поэтому считаем целесообразным переименовать гл. 8 УК РФ, закрепив ее наименование следующим образом: «Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния».

Подведем итог. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, известен российскому государству с давних времен – с момента появления первого письменного источника уголовного права, когда впервые была регламентирована необходимая оборона, определяющая возможность причинения вреда лицу, посягающему на охраняемые законом интересы. Постепенно расширяется содержание права на необходимую оборону, помимо защиты собственности, она начинает включать в себя защиту личных прав,

также происходит и расширение круга обстоятельств, исключающих преступность деяния, а к концу дореволюционного периода российского государства они приобретают определенную систематизацию. При этом необходимая оборона – неотъемлемый институт уголовного права с начала появления его в российском законодательстве и до настоящего времени.

Действующий УК РФ обеспечил систематизацию обстоятельств, исключающих преступность деяния, сосредоточив их в отдельной главе 8, но ее наименование не отвечает в полной мере сущности закрепленных в ней положений, в связи с чем предлагается переименовать данную главу в «Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния».

1.2 Понятие пределов необходимой обороны и правовые последствия их превышения

В настоящее время правовая регламентация необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния, содержится в ст. 37 УК РФ. В соответствии с ч. 1 указанной нормы, не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Основываясь на социальном значении необходимой обороны, законодатель достаточно широко распространил ее влияние, определив, что она допустима в разных случаях: при применении опасного и неопасного насилия, и даже без него. Но в таком случае существуют определенные ограничения – правомерной оборона будет только в установленных законом пределах. Их нарушение (выход за пределы необходимой обороны) – не могут

признаваться исключаящим ответственность обстоятельством. Последствия при этом определяются наступившим вредом, его причинитель может подлежать уголовной ответственности – при причинении тяжкого и средней тяжести вреда здоровью или причинении смерти посягающему.

Определение правомерности действий оборонявшегося, как и выявление фактов превышения пределов необходимой обороны, возможно путем анализа условий, при которых рассматриваемые действия признаются законными и не выходящими за пределы необходимой обороны. Четкий перечень таких условий законодатель не приводит, однако, они включены в характеристику необходимой обороны в ст. 37 УК РФ, в связи с чем, необходимо провести их подробный анализ. Без него невозможно определить, явились ли действия обороняющегося правомерными либо вышли за установленные законом пределы.

Первое условие заключается в том, что действия причинителя вреда, обороняющегося от нападения, всегда должны представлять собой защиту. В соответствии с требованиями законодательства, в состоянии необходимой обороны допускается осуществление защиты «своих интересов, интереса другого лица, государства или общества» [17, с. 103].

Те объекты, которые допускается защищать даже путем причинения вреда лицу, посягающему на них, принято также именовать объектами необходимой обороны. О.А. Матвейчук, характеризуя их, отмечает, что к рассматриваемым объектам относятся «жизнь и здоровье человека, свободу, честь, достоинство, имущество, жилище, иные охраняемые интересы» [27, с. 22].

Защита перечисленных объектов может осуществляться любым способом, это напрямую следует из положений законодательства. И такой подход законодателя нами разделяется в полной мере – целесообразно в интересах обеспечения безопасности государства и общества разрешать защищать не только себя самого, но и иных лиц от противоправных посягательств.

Сущность второго условия состоит в возможности причинения вреда нападавшему обороняющимся [10, с. 93]. Способы защиты могут различаться, например, возможно избежать нападения, убежав от нападавшего, закрывшись от него в каком-либо помещении, а также иными способами. Но законодатель, с нашей точки зрения, выбрал наиболее оптимальный путь, установив, что оборона возможна любыми способами, включая и причинение вреда нападающему. Этот подход отвечает общественно полезным целям, способствует пресечению действий нападавшего, исключает его возможность причинить вред иным лицам или интересам. Если бы законодатель исключил возможность причинения вреда нападавшему в том случае, когда у обороняющегося имеется возможность избежать открытого противостояния, это влекло бы риск для других потенциальных жертв (например, физически крепкий мужчина мог бы убежать от нападавшего, а последний избрал бы для противоправных действий другой объект – малолетнего или пожилого, который избежать нападения не сможет). Сейчас же законодатель предоставил выбор действий каждому – избежать нападения либо противостоять нападавшему.

Анализируя условия правомерности необходимой обороны, нельзя оставить без внимания вопрос, характеризующий ситуацию, в которой обороняющимся выполняются соответствующие действия. Ей всегда свойственно наличие стрессового фактора, что затрудняет выбор способа противодействия нападавшему, который отвечал бы конкретному нападению был бы ему соразмерен. В особенности это касается ситуаций, когда нападавших несколько.

С учетом тех сложностей, которые испытывает обороняющийся в силу стрессовых факторов, высшая судебная инстанция разъяснила, что в таком случае, когда нападающих несколько, правомерность обороны будет иметь место и в том случае, когда действия, причиняющие вред, предпринимаются в отношении любого из нападавших. Таким образом, обороняющийся лишен необходимости выявления степени опасности каждого посягающего, а должен

руководствоваться опасностью, исходящей от группы нападающих в целом [37]. Полагаем, что именно такой подход является правильным, в ситуации, несущей угрозу здоровью или жизни, обороняющийся не в состоянии дать четкую характеристику действий каждого нападавшего, он воспринимает картину нападения целиком.

Характер нападения может быть различным и в некоторых случаях необходимо использование каких-либо орудий, устройств для того, чтобы оборона была успешной и результативной. Поэтому законодательно разрешено применение при необходимости различных средств в целях обороны, но при соблюдении важного условия – не должен причиняться вред лицам, которые в нападении не участвуют [27, с. 22].

Следующее условие необходимой обороны – своевременность, в соответствии с ним правомерная оборона может быть только при условии, что действия обороняющегося осуществляются одновременно с опасным посягательством. Если же фактически угроза миновала, посягательство завершено, насилие, применяемое обороняющимся, будет выходить за его пределы.

Совершенно справедливо по данному поводу исследователи обращают внимание на сложности определения момента прекращения нападения [16, с. 792]. Осознает соответствующие сложности и высшая судебная инстанция, разъясняя, что в случае прекращения нападения, когда обороняющийся этого не заметил и полагал, что действует в рамках пределов необходимой обороны, поскольку обстановка не позволила ему четко понять, что посягательство закончено, его действия должны признаваться правомерными. Если нападение не прекращено, а лишь приостановлено, причинение вреда обороняющимся нападавшему при таких условиях также будет расцениваться как правомерное.

Также одним из важнейших условий необходимой обороны является запрет на действия, явно несоответствующие характеру и опасности посягательства. Они будут представлять собой превышение пределов

необходимой обороны. Определить, соблюдено ли данное условие, всегда достаточно сложно по той причине, что обороняющемуся крайне трудно в условиях ситуации, сопряженной с нападением, обладающей стрессовым характером, определить степень опасности посягательства. Учитывая данный факт, законодатель не признает превышением пределов необходимой обороны причинение вреда обороняющимся нападавшему, если не было возможность объективно определить характер нападения и его опасность.

Так, «в случае совершения лицом действий, неспособных очевидно причинить вред здоровью (нанесение пощечины, толчки, щипки), нанесение в ответ ударов, которые способны повлечь смерть, причинение тяжкого вреда здоровью, явно будет не соответствовать посягательству и образовывать превышение пределов необходимой обороны» [18, с. 13].

Исходя из вышеизложенного, в качестве необходимой обороны могут рассматриваться только действия, совершенные при соблюдении ряда условий, определяющих ее пределы. Если же последние были превышены и наступили определенные последствия, обороняющийся может быть привлечен к уголовной ответственности при наличии в его действиях состава преступления.

Приведем пример: «М. были замечены Т. и А., переносившие огнестрельное оружие, в связи с чем высказал в их адрес правомерное требование с просьбой предъявить соответствующие документы, однако А. и Т., игнорируя высказанное требование, наставили оружие на М., отказываясь предъявить документы и потребовав, чтобы он дал им возможность беспрепятственно пройти. После того, как на требование бросить оружие, А. выстрелил в направлении М., а Т. стал к нему приближаться, М., опасаясь за свою жизнь, выстрелил в грудь А. и в шею Т., в результате чего указанные лица скончались. Суд первой инстанции усмотрел в действиях А. деяние, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но Судебной коллегией Верховного Суда РФ вынесен оправдательный приговор в связи с наличием в действиях М. необходимой обороны» [3].

Анализ ст. 37 УК РФ свидетельствует о сложной ее конструкции, перенасыщенности формулировками, их излишней обобщенности. Такой сложный подход законодателя при регламентации рассматриваемого обстоятельства ожидаемо влечет сложности в правоприменительной практике. Крайне сложно определить, были ли действия лица правомерными либо они находятся за пределами необходимой обороны.

С нашей точки зрения, более четкое и понятное содержание ст. 37 УК РФ положительно повлияло бы и на правоприменительную практику. Поэтому целесообразно в рассматриваемой норме четко определить, когда возможно причинение любого вреда, включая и причинение смерти.

Требуется помимо анализа содержания необходимой обороны и условий ее правомерности, охарактеризовать также и значение обстоятельств, исключающих преступность деяния. В принципе, основное значение следует из самого наименования рассматриваемых обстоятельств – они исключают преступность деяния. Но это только в том случае, когда соблюдены все соответствующие условия. При их нарушении, выходе за установленные пределы, уголовная ответственность не исключается, однако, она может быть смягчена.

По нашему мнению, достаточно полно и верно определил значение этих обстоятельств П.Н. Кобец. Этим исследователем выделено три основополагающих значения анализируемых обстоятельств.

Первое состоит в том, что в случае причинения вреда при соблюдении тех условий правомерности, которые законодатель предусмотрел для определенного обстоятельства, исключающего преступность деяния, лицо не подлежит уголовной ответственности. Речь идет не о наличии каких-либо обстоятельств, при которых возможно освобождение лица от уголовной ответственности, а именно о невозможности привлечения к ней, так как она наступает только когда совершено преступление, а последнее невозможно в силу самого наименования исследуемых обстоятельств.

Второе значение анализируем обстоятельство заключается в том, что при их наличии, но несоблюдении условий правомерности (например, при выходе за пределы необходимой обороны), привлечение к уголовной ответственности осуществляется, но с определенным смягчением – учитывается наличие соответствующего смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. При этом следует учесть, что рассматриваемое обстоятельство учитывается при совершении любых преступлений, а не только тех, которые влекут причинение вреда здоровью или смерти. Не обладает рассматриваемым значением только одно обстоятельство из всего перечня, указанного в гл. 8 УК РФ – то, которое нашло свое закрепление в ч. 1 ст. 40 УК РФ.

Третье значение касается некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, тех, в случае нарушения условий правомерности которых содеянное считается преступлением и подлежит наказанию в соответствии со специальной нормой. Например, к такому обстоятельству относится необходимая оборона, если ее пределы превышены и причинен тяжкий вред здоровью, либо смерть, то ответственность лицо будет нести по тем нормам, которые предусматривают наступление указанных последствий в случае нарушения пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114, ч. 1 ст. 108 УК РФ). То есть, рассматриваемое значение исследуемых обстоятельств заключается во влияние на квалификацию содеянного, если оно совершено при указанных обстоятельствах, но с нарушением условий, при которых признается правомерным. В таком случае имеет место привилегированный состав преступления [22, с. 95].

Проведем более подробный анализ обстоятельств тех значений, которые выделяет П.Н. Кобец, поскольку мы в полной мере разделяем его позицию.

Основное значение обстоятельств, исключающих преступность деяния, заключается в том, что при их наличии «уголовная ответственность не наступает. В основе данного положения лежит тот факт, что совершение лицом каких-либо действий в определенной ситуации, не может признаваться

непреступным. Цель такого подхода, как представляется, заключается в необходимости стимулировать правомерное поведение лиц, которые проявили инициативу, чтобы решить значимые вопросы, зачастую – предотвратить более существенный вред» [22, с. 95].

Второе значение обстоятельств, исключающих уголовную ответственность – выступление их в качестве обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, сосредоточенных в ст. 61 УК РФ. Однако, учет в качестве таких рассматриваемых обстоятельств возможен только при условии, что соответствующие обстоятельства не включены в нормы Особенной части УК РФ. Если же они там закреплены, то лицо подлежит ответственности по соответствующей норме, например, если совершено убийство при превышении пределов необходимой обороны, то оно должно нести ответственность по ч. 1 ст. 108 УК РФ, в таком случае указанное обстоятельство «не учитывается в качестве смягчающего обстоятельства на основании положений ст. 61 УК РФ. Если же убийство будет совершено при превышении пределов крайней необходимости, ввиду отсутствия соответствующей нормы в Особенной части УК РФ, то в данном случае будет иметь место соответствующее смягчающее обстоятельство» [22, с. 95].

Третье значение определяется тем, что «отдельные исключаяющие преступность обстоятельства, могут влиять на квалификацию содеянного. Например, простое убийство, квалифицируемое по ч. 1 ст. 105 УК РФ, является особо тяжким преступлением, санкция предусматривает максимальное наказание до 15-ти лет. В том случае, если убийство совершено при превышении пределов необходимой обороны, ответственность наступает по ст. 108 и санкция не превышает двух (ч. 1) лет лишения свободы. Можно привести пример переквалификации содеянного лицом на менее тяжкое, поскольку было установлено, что оно действовало в силу необходимой обороны, но превысило ее пределы» [22, с. 95].

Ш. была осуждена ч. 1 ст. 105 УК РФ, отразив обстоятельства, при которых совершено убийство: «Ш. в ходе ссоры, взяв со стола нож,

умышленно нанесла В. два удара в грудь, от чего он скончался. Ш. и ее защитником решение суда первой инстанции было обжаловано в апелляционном порядке, при этом указывалось, что не были учтены значимые обстоятельства, в частности, что ранее В. неоднократно избивал и истязал Ш., а перед тем, как она нанесла ему удар ножом, высказывал в ее адрес угрозы убийством, при этом, повалив на пол и избивая. Поднявшись с пола, Ш., желая прекратить совершение в отношении нее противоправных действий со стороны В., схватила нож со стола и нанесла ему два удара ножом в грудь. Судебная коллегия произвела переквалификацию действий Ш. с ч.1 ст. 105 на ч. 1 ст. 108 УК РФ» [2].

Полагаем, что отнесение некоторых исключаяющих преступность деяния обстоятельств к числу смягчающих (при нарушении определенных условий, когда содеянное не считается преступным), определено тем фактом, что все же основная цель, преследуемая лицом, причиняющим в таком случае вред – социально полезна. Так, в случае необходимой обороны причинитель вреда защищает общество от нападения, его действия обусловлены именно желанием предотвратить неправомерные действия, но дается неверная оценка обстановке. Поэтому законодатель счел, что следует такому лицу предоставить «привилегии», смягчить ответственность.

Превышение пределов необходимой обороны влечет за собой уголовную ответственность. По какой норме надлежит в этом случае квалифицировать действия лица, определяется причиненным вредом: если он средней тяжести или тяжкий, содеянное образует деяние, предусмотренное ст. 114 УК РФ, а если причинена смерть – ч. 1 ст. 108 УК РФ.

В результате исследования в первой главе, отметим, что необходимая оборота – одно из значимых обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, определяющее разрешение причинения вреда в случае осуществления противоправного посягательства, от которого защищается, обороняется лицо.

Наличие состояния необходимой обороны исключает признания деяния преступным в случае причинения вреда посягающему, но при соблюдении определенных условий, в качестве которых выступают следующие:

- обороняющийся действовал в целях защиты интересов, находящихся под охраной закона;
- оборона и причиненный в результате нее вред посягающему были своевременными – действия предприняты обороняющимся в момент наличия противоправного посягательства, а не до или после него;
- не допущено превышения пределов обороны, необходимой для противодействия противоправному посягательству.

С нашей точки зрения, современная формулировка такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как необходимая оборона, создает существенные сложности для правоприменителей, так как изобилует оценочными понятиями, вследствие чего, допускаются ошибки в разграничении правомерных и неправомерных действий и не всегда верно определяется, было ли допущено превышение пределов необходимой обороны. Для разрешения указанных проблем полагаем необходимым внести некоторые уточнения и изменения в ст. 37 УК РФ:

- признать правомерным причинение любого вреда, включая и лишение жизни посягающего, в случае применения им опасного насилия, под которым предлагается понимать неоднократные удары, наносимые другим лицам, применение оружия или предмета, используемого в качестве оружия;
- сократить и упростить изложение диспозиции ст. 37 УК РФ путем вынесения определения необходимой обороны в качестве примечания к данной статье.

При нарушении пределов необходимой обороны наступает уголовная ответственность, особенности квалификации таких деяний будут подробно рассмотрены в последующих частях данной работы.

Глава 2 Уголовно-правовой анализ преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны

2.1 Объективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны

В том случае, если лицом, действующим в состоянии необходимой обороны, было допущено превышение ее пределов, в ряде случаев лицо подлежит уголовной ответственности. Учитывая наличие определенных «извинительных» обстоятельств – действия причинителя вреда в данном случае были обусловлены защитой своих или чьих-либо интересов от нападения, законодатель предусмотрел самостоятельные нормы в Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за такие деяния. В основе разграничения преступлений, связанных с необходимой обороной, лежит степень причиняемого вреда. В том случае, когда причинен средней тяжести или тяжкий вред здоровью, содеянное образует деяние, предусмотренное ст. 114 УК РФ, а если смерть – ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Рассматривая уголовную ответственность за причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости, следует провести уголовно-правовой анализ таких деяний.

Традиционно изучение признаков состава преступления начинается с исследования объекта, определение которого способствует верной квалификации содеянного и позволяет отграничить обладающие сходством составы преступления друг от друга. В самом общем понимании объект представляет собой сферу направленности усилий лица, осуществляющего преступное посягательство [1, с. 65].

Традиционно именно объект выступает тем критерием, в зависимости от которого законодатель конструирует уголовный закон, точнее – его Особенную часть. Поэтому, как уже было отмечено, верное установление

объекта преступления способствует и верному определению того состава деяния, которое было совершено.

Не существует ни одного деяния в УК РФ, которое не посягало бы на какой-либо объект, а последний представляет собой определенные общественные отношения, являющиеся столь значимыми, что законодатель счел необходимым поставить их под уголовно-правовую охрану, обеспечив таким образом соблюдение запретов на криминальные посягательства.

Поскольку общественные отношения не являются статичными, а по своему характеру изменчивы, меняются и развиваются в зависимости от изменений во всех сферах жизнедеятельности, происходят изменения и в объектах, подлежащих уголовно-правовой охране.

Вопрос о видах объектов и их значении привлекает внимание ученых на протяжении многих лет, что обусловлено отводимой объекту роли в сфере уголовного права, он позволяет дифференцировать совершенные деяния, оценить преступность конкретных действий, совершенных определенным лицом. Все это обуславливает широкое признание качественных характеристик объекта и его значимости. Дифференциация объекта преступления зависит от ряда аспектов, основные среди них – уровень общности правоохранных отношений, а также роль объекта для квалификации конкретного преступления. В первом из указанных случаев имеет место «вертикальная» классификация объекта, а во втором случае – «горизонтальная». Обе приведенные классификации традиционны для российского уголовного права.

При уяснении объекта конкретного преступления наиболее целесообразно использование, прежде всего, классификации объектов «по вертикали», в рамках нее выделяется 4 объекта, иерархично выстроенных по системе от общего к частному. В соответствии с указанной иерархией «лестница» объектов в уголовном праве выглядит следующим образом:

- общий объект,
- родовой объект,

- видовой объект,
- непосредственный объект [8, с. 40].

Проанализируем сущность и содержание каждого вида из рассматриваемых объектов, опираясь на традиционные подходы российской уголовно-правовой доктрины.

В качестве общего объекта надлежит рассматривать все те общественные отношения, которые поставлены под охрану уголовным законом. Формализованный перечень таких объектов приведен в ст. 2 УК РФ, где указаны все виды общественных отношений, обеспечиваемых средствами уголовно-правовой охраны. Назначением общего объекта традиционно выступает деление совершенных посягательств на какие-либо сферы отношений на преступные и не преступные. В том случае, если посягательство направлено на ту группу отношений, которая входит в общий объект преступления, при наличии иных признаков состава преступления будет иметь место уголовно-наказуемое деяние.

Далее в выстроенной иерархии объектов располагается родовый, его предназначение в том, чтобы вычленив из общего объекта конкретные группы правоотношений, подвергаемых преступным посягательствам. Родовой объект представляет собой группу однородных общественных отношений, охраняемых уголовным законом [32, с. 60].

Установление родового объекта преступлений осуществляется на основе определения расположения нормы, предусматривающей ответственность за деяние. Рассматриваемые статьи (108 и 114 УК РФ), включены законодателем в раздел VII «Преступления против личности», то и в качестве родового объекта анализируемых деяний надлежит рассматривать личность.

Видовой (групповой) объект – это «группа общественных отношений, сходных по объективным признакам. Видовой объект является основой выделения глав Особенной части УК РФ. В рамках видového объекта, определенного однородными общественными отношениями, выделяются те,

которые обладают существенным сходством и образуют группу отношений» [51, с. 8]. Сфера их определяется наименованием соответствующей главы. Анализируемые нами составы преступления помещены в гл. 16 УК РФ, что позволяет утверждать о признании законодателем в качестве видового объекта данных деяний жизнь и здоровье человека.

Жизнь человека подлежит уголовно-правовой охране с момента его рождения до момента смерти. При этом, вопрос о том, когда жизнь считается оконченной, является дискуссионным в науке. Так, некоторые исследователи считают, что «момент наступления смерти определяется остановкой дыхания, прекращением сердцебиения, отсутствием пульса, понижением температуры тела (клиническая смерть)» [30, с. 28], но вряд ли можно разделить это мнение, поскольку «возможно возвращение человека жизни после клинической смерти, значит, наступление смерти должно связываться с биологической смертью» [6, с. 47]. Этой же позиции придерживается и законодатель, определяя, что «заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга)» [19].

Единого понятия здоровья, как в научной литературе, так и в уголовном законодательстве, не выработано. С медицинской точки зрения, здоровье определяется как «физическое и психическое состояние организма человека, обеспечивающее его нормальное функционирование. Такое состояние предполагает сохранение в норме анатомической целостности органов и тканей, их физиологических функций, отсутствие заболеваний и патологических состояний» [33, с. 31].

В национальном федеральном законодательстве дефиниция здоровья закреплена в ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где оно понимается как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [54].

Непосредственным объектом преступления выступают те общественные отношения, на которые осуществляется посягательство в конкретном случае, при этом достаточно распространено совпадение видового и непосредственного объекта. В частности, исследуемые деяния (ст. 108 и ст. 114 УК РФ) посягают на жизнь и здоровье, в связи с чем, в качестве его непосредственного объекта деяния, предусмотренного ст. 108 УК РФ, выступает жизнь человека, а предусмотренного ст. 114 УК РФ – здоровье. При этом, особенностями непосредственного объекта рассматриваемых деяний является то, что им выступает жизнь и здоровье нападавшего.

Убийство относится к числу беспредметных составов преступления, поскольку отнесение человека к предмету отрицается исследователями, что, на наш взгляд, совершенно верно, но потерпевший все же имеет значение.

Следующий объективный признак, подлежащий анализу в рамках уголовно-правовой характеристики преступления – объективная сторона, в рассматриваемых составах она всегда представлена связкой элементов: деянием, последствием и причинной связью между ними.

Совершено это преступление может быть лишь путем активного действия, обладающего определенными особенностями:

- действиям виновного «обязательно предшествует посягательство со стороны лица, в отношении которого применяется насилие» [7, с. 21];
- достижение совершенными действиями преступного результата в виде смерти человека или причинения ему вреда здоровью (среднего либо тяжкого);
- причинная связь между преступными действиями и наступившим общественно опасным последствием - причинением смерти или причинением вреда [13, с. 13].

Приведем пример. «К. судом первой инстанции осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ за убийство Л. Данное решение было обжаловано матерью Л. – Н., которая утверждала, что действия Л. не несли никакой угрозы К., в связи с чем,

не было и оснований для необходимой обороны. Судебная коллегия установила, что, когда К. сидела на диване, Л. угрожал ей ножом, а при попытке К. его успокоить, Л. стал к ней приближаться с ножом в руке. Когда К. вставала с дивана, Л. попытался нанести ей удар ножом, но К. удалось его выхватить и нанести удар Л. ножом в спину, от чего он скончался. Апелляционной инстанцией приговор оставлен в силе, поскольку установлено, что действия Л. создавали реальную угрозу для жизни и здоровья К., но она допустила превышение пределов необходимой обороны, поскольку нанесенный ею Л. удар ножом не соответствовал характеру и опасности посягательства» [4].

Следует учитывать, что в рамках анализа элементов объективной стороны преступления следует обратить внимание не только на обязательные, которыми, как уже отмечено, выступают деяние, причинная связь и последствие, но и факультативные. Последние носят такое название вследствие того, что они могут не рассматриваться в качестве обязательных, однако в некоторых составах приобретают именно обязательный характер.

В рамках исследуемых деяний время следует признать значимым признаком объективной стороны. Это обусловлено возможностью их совершения только в процессе посягательства или сразу после его окончания, когда для виновного момент окончания не является очевидным. Установление данного признака сопровождается существенными трудностями, поскольку лицу, на которого совершается нападение, достаточно сложно определить, в какой момент оно было окончено, приостанавливалось ли нападение.

Высшая судебная инстанция по данному поводу разъясняет, что не признаются действия совершенными в состоянии необходимой обороны, «если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом» [37]. В данном случае, если не возникло иных обстоятельств, исключающих преступность деяния (в частности, причинения вреда при задержании лица,

совершившему преступление), причинившее вред лицу подлежит ответственности на общих основаниях.

Поскольку определить время окончания опасного нападения достаточно сложно, высшая судебная инстанция предприняла попытку дать разъяснения и по этому поводу, указав, в каких случаях допускается причинение вреда не непосредственно в момент нападения. В соответствии с п. 8 соответствующего постановления Пленума ВС РФ, состояние необходимой обороны будет иметь место даже в случаях, если:

- действия по защите, осуществленные лицом в отношении нападавшего, последовали непосредственно за актом оконченого посягательства, при условии, что вследствие сложившейся ситуации, конкретных обстоятельств, оборонявшемуся не был ясен момент окончания посягательства либо он ошибочно считал, что посягательство продолжается;
- посягательство со стороны нападающего не было прекращено, а явно для обороняющегося лишь приостанавливалось, чтобы создать более благоприятную обстановку для продолжения посягательства или по иным причинам;
- даже если оружие или предметы, используемые в качестве него, перешло к обороняющемуся от посягавшего, это само по себе не свидетельствует о том, что посягательство окончено, если сохраняется реальная угроза его продолжения.

Также о значимости времени для решения вопроса о правомерности либо неправомерности необходимой обороны говорится и в п. 5 рассматриваемого постановления Пленума ВС РФ, в соответствии с которым «Состояние необходимой обороны может быть вызвано и общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т.п.). Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства» [37].

Таким образом, вопросу времени совершения действий в ответ на нападение уделяется существенное внимание, но все же каким образом определить, было ли для обороняющегося очевидно, что нападение окончено или нет, четкого понимания зачастую не имеется. Полагаем, что можно с точностью утверждать лишь одно, что если вред был причинен после окончания нападения, то нельзя вести речь о правомерности необходимой обороны.

При анализе объективной стороны преступления принято выделять и ее факультативные признаки, которые, как правило, значения для квалификации не имеют, но подлежат установлению в рамках обстоятельств, подлежащих доказыванию. Применительно деяниям, совершаемым с превышением пределов необходимой обороны, такие признаки имеют важное значение, поскольку позволяют определить реальность и опасность нападения, восприятие этих фактов обороняющимся.

Местом совершения исследуемых деяний чаще выступают увеселительные заведения, улицы, парки, то есть, общественные места, а также квартиры и домовладения. Время совершения преступлений может быть различным, но нередко они происходят вне рабочего времени – вечером, в выходные и праздничные дни.

Обстановка совершения преступления всегда конфликтная, они могут иметь место как в семейно-бытовой сфере, когда нападающий и обороняющийся между собой знакомы или находятся между собой в родственных связях, а также в условиях уличной преступности, когда никаких отношений между нападающим и обороняющимся нет, нередко они не знакомы между собой.

По мнению некоторых исследователей, место нападения, и, соответственно, осуществления ответных действий защищающимся, имеет существенное значение для определения факта превышения пределов необходимой обороны, поскольку в некоторых случаях есть возможность избежать нападения без причинения вреда, а в иных она отсутствует

[26, с. 115]. Но мы такой подход не разделяем в силу того, что законодательно разрешено обороняться всеми допустимыми средствами, даже если имелась возможность избежать нападения либо обратиться за помощью.

Применительно к орудию совершения преступления, можно отметить, что на квалификацию деяния оно влияния не оказывает, в то время как, например, в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, квалифицируемого по ст. 111 УК РФ, применение оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, повышает уголовную ответственность. При превышении пределов необходимой обороны такой подход не используется, неважно, использовались ли какие-либо орудия для причинения вреда или нет.

Заслуживает внимания вопрос о последствиях, поскольку они в рассматриваемых составах – обязательный элемент объективной стороны преступления. В том случае, если лицо превысило пределы необходимой обороны и причинило потерпевшему смерть, будет иметь место преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ. Можно привести пример.

В вечерне время П., находясь в квартире вместе со своим сожителем Я., агрессивно настроенным и находящимся в состоянии алкогольного опьянения, который, действуя из ревности, подозревая П. в измене, спровоцировал словесный конфликт, в ходе которого оскорблял П. словами нецензурной брани, хватал ее за волосы, а также схватив в руки кухонный нож, стал высказывать угрозу убийством в адрес П., которые последняя восприняла реально. Однако, П. смогла отобрать кухонный нож из рук Я. и воспользовавшись моментом, когда он отвлекся, выбежала на улицу.

Я. выбежал на улицу вслед за П., и догнал ее на грунтовой дороге, после чего подошел спереди к П., резко схватил ее двумя руками, обхватив в области спины, и стал с силой прижимать к себе, в связи с происходящими событиями. П., расценивая действия Я. как общественно опасное посягательство на ее жизнь и здоровье, с целью предотвращения противоправных действий со стороны Я., осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, предвидя возможность и неизбежность наступления общественно

опасных последствий в виде смерти Я., не желая, но сознательно допуская эти последствия, явно превышая пределы необходимой обороны в части несоответствия принимаемых мер защиты и интенсивности нападения, характера противоправных действий, так как у Я. в руках не было какого-либо оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и действия Я.А в момент их совершения не создавали реальную опасность для жизни П., действуя умышленно, нанесла указанным ножом два удара Я. в область лба и левой ключицы, после чего последний прекратил удерживать П. своими руками, и которая убежала к себе в квартиру. Я от полученных ударов на месте происшествия скончался. В отношении вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 108 УК РФ [46].

Следует обратить внимание и на тот факт, что те действия, которые совершены лицом после того, как окончено совершение преступления, не влияют на его квалификацию, даже если лицо предпринимает меры по сокрытию деяния. Можно привести следующий пример.

П. и Ф. в вечернее время находились в состоянии алкогольного опьянения, в помещении дачного дома, распивая спиртные напитки. Между указанными лицами произошел конфликт, в ходе которого Ф., найдя в доме вилку, умышленно нанес ею один удар в область левого плеча П., причинив последнему телесные повреждения, которые не причинили вреда здоровью, так как не повлекли за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности.

П. отошел в сторону, желая избежать повторного удара Ф. вилкой. Ф., продолжая свои противоправные действия, направленные на причинение телесных повреждений П., и взял со стола кухонный нож, после чего встал с кровати и сделал один шаг в сторону П., держа при этом нож в правой руке за рукоятку лезвием, обращенным в область живота последнего. П. осознавая неминуемую, очевидную и реальную возможность причинения вреда своей жизни или здоровью, схватил нож за лезвие снизу правой рукой, выхватил его, в результате чего получил повреждения в виде кожной раны по ладонной

поверхности правой кисти, которое не причинило вреда здоровью, так как не повлекло за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности.

Выхватив своей правой рукой нож из рук Ф., П. толкнул его своей левой рукой, от чего Ф. сел на кровать. После этого П., осознавая очевидное несоответствие средств и способов своей защиты характеру и степени общественной опасности действий Ф., который в тот момент не совершал активных общественно опасных действий, создающих неминуемую, очевидную и реальную возможность причинения вреда жизни или здоровью П., которые были бы сопряжены с реальной угрозой нападения и последующего применения насилия по отношению к себе, имея возможность иным образом предотвратить последующие возможные противоправные действия Ф., умышленно, с целью убийства, нанес последнему один удар имевшимся в его руке ножом в жизненно важную часть тела в живот спереди.

Пределы необходимой обороны П. были превышены, так как после обезоруживания Ф., нанесение ему удара ножом было неоправданным действием, поскольку в виду отсутствия у него оружия и иных предметов, нахождения его в состоянии опьянения, которое позволило П. отобрать у него нож, он не представлял реальной опасности его жизни и здоровью. В результате вышеуказанных противоправных действий П. наступила смерть Ф. После совершения убийства Ф., П. следующим утром, с целью сокрытия следов преступления, вывез труп в помещение хозяйственной постройки, где поджог данную постройку вместе с трупом. Действия П. суд квалифицировал по ч. 1 ст. 108 УК РФ [45].

В том случае, если в результате действий, образующих превышение пределов необходимой обороны, потерпевшему причинен средней тяжести вред здоровью либо тяжкий. Для определения данного вида последствий возникает необходимость анализа понятия «вред здоровью», в уголовном законе оно не раскрывается. Понятие вреда здоровью определяется Правительством РФ [38] и предполагает нарушение анатомической

целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия.

Вреду здоровья присущи качественная и количественная характеристики. Качество (характер) вреда определяется формой патологии, причиненной организму, указанное постановление Правительства предусматривает следующие формы: телесное повреждение; заболевание; патологическое состояние. Количественный критерий причинения вреда здоровью заложен в основу уголовно-правового выделения трех видов вреда здоровью: тяжкий, средней тяжести и легкий.

В настоящее время, как уже было отмечено, существует три вида вреда здоровью: легкий, средней тяжести и тяжкий.

В основном, признаки, присущие вреду разной степени тяжести, законодатель использует непосредственно в диспозиции соответствующей нормы.

Так, признаками тяжкого вреда здоровью являются:

- опасность для жизни,
- потеря зрения, речи, слуха,
- потеря органа либо утрата им своих функций,
- прерывание беременности,
- психическое расстройство,
- заболевание наркоманией или токсикоманией,
- неизгладимое обезображивание лица,
- значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть,
- полная утрата профессиональной трудоспособности.

Признаками средней тяжести вреда здоровью выступают:

- наступление последствий, указанных в ст. 111 УК РФ;
- длительное расстройство здоровья: значительная стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.

К признакам легкого вреда здоровью относят:

- кратковременность расстройства здоровья;
- незначительность стойкой утраты трудоспособности.

Тяжкий вред здоровью является наиболее опасной его разновидностью, признаки которой определены в диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ, конкретизированы в указанных Правилах и Приказе Минздравсоцразвития России. Закон описывает множество альтернативных признаков тяжкого вреда здоровью; установления хотя бы одного из них достаточно для квалификации содеянного как тяжкого вреда здоровью.

Принято выделять два вида тяжкого вреда здоровью:

- вред, опасный для жизни в момент причинения (например, удар или иное действие, инъекция);
- вред, не создающий угрозы жизни в момент причинения, но относящийся к категории тяжкого вреда в силу вызываемых им последствий (потеря зрения, речи, слуха, неизгладимое обезображивание лица, открытый или закрытый перелом плечевой кости, и др.).

Исход причиненного вреда (в частности, длительность расстройства здоровья или объем утраты трудоспособности) не влияет на квалификацию содеянного; действия виновного оцениваются в силу их опасности для жизни именно в момент причинения [52, с. 37]. Приказ Минздрава России № 194н относит к данной разновидности тяжкого вреда здоровью проникающие ранения черепа, переломы свода и основания черепа, вывихи шейных позвонков, проникающие ранения грудной клетки, позвоночника, ранения крупных кровеносных сосудов, состояния шока III-IV стадии, острую дыхательную недостаточность, острую массивную кровопотерю и др.

Степень утраты общей трудоспособности устанавливается не только исходя из телесных повреждений, но и на основе заболеваний или патологических состояний. Приказ Минздрава России № 194н содержит исчерпывающую таблицу процентов утраты трудоспособности при различных повреждениях.

В том случае, если в результате превышения пределов необходимой обороны нападавшему причиняется легкий вред здоровью, уголовная ответственность не наступает, уголовно-правовыми последствиями выступает лишь причинение тяжкого вреда здоровью.

Можно привести пример причинения тяжкого вреда здоровью в результате превышения пределов необходимой обороны. Так, И. в вечернее время распивал спиртные напитки с Ф. Между ними произошла ссора, в ходе которой Ф. нанес удар ножом И., причинив телесное повреждение в виде колото – резаной раны левого предплечья. И., защищаясь, выбил нож из рук Ф. и, превышая пределы необходимой обороны, нанес Ф. два удара ножом в область левой груди, причинив телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни [47].

Отметим, что с точки зрения исследователей, наибольшей сложностью обладает определение средней тяжести вреда здоровью, поскольку критерии его раскрыты недостаточно [49, с. 44]. Действительно, правоприменительной практике можно найти примеры, когда органы расследования, а также суды неверно определяют вред здоровью. Примером может являться приговор мирового судьи судебного участка № 1 г. Зеленограда, которым Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, ему было назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы. Апелляционная инстанция приговор изменила, исключив из обвинения признак значительной стойкой утраты общей трудоспособности менее чем на одну треть, вследствие чего действия Н. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 115 УК РФ, и наказание назначено в виде 11 месяцев лишения свободы [42]. Подобные проблемы могли бы возникать и в том случае, когда речь идет о причинении средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, но законодатель такое последствие не криминализировал применительно к ситуациям, когда лицо причиняет вред при превышении пределов необходимой обороны. И мы такой подход полностью разделяем.

Считаем, что причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны не отвечает тем признакам, которые свидетельствуют о необходимости криминализации деяния, степень общественной опасности в данном случае не столь высока, чтобы признавать деяние преступным, учитывая, что в целом действия причинителя вреда направлены на защиту интересов общества, но не соблюдены те пределы, которые определил законодатель.

Проанализировав такие элементы объективной стороны преступления, как деяние и последствия, надлежит рассмотреть и такой элемент, как причинно-следственная связь. Она выражается в том, что наступившие общественно опасные последствия должны находиться в прямой причинной связи с общественно опасным деянием, выступать именно его последствием. Так, если общественно опасное деяние имело место, однако общественно опасные последствия в преступлениях, где это необходимо, не наступили, причинная связь отсутствует, соответственно, нет и преступления [40, с. 36]. И наоборот, если общественно опасные последствия наступили, но они не связаны с совершенным общественно опасным деянием, также отсутствует причинная связь между ними, а, соответственно, и состав преступления.

Для причинной связи характерно наличие двух критериев – временной и реальной. Сущность временного критерия заключается в том, что деяние всегда предшествует результату, последствию. К примеру, если речь идет об убийстве, то всегда сначала совершается определенное действие (бездействие), и только потом наступает последствие в виде причинения смерти. Если же порядок будет иной (сначала наступила смерть, а затем, например, нанесены удары), то не может быть речи о наличии причинно-следственной связи и, соответственно, объективной стороны преступления.

Сущность критерия реальности заключается в том, что имеется реальная возможность наступления последствий в результате преступного деяния. Наименьшее количество проблем возникает в случае, когда речь идет об оконченном преступлении. В данном случае все очевидно – было совершено

определенное действие (например, нанесение ударов), в результате которых причинен вред здоровью потерпевшему – наступил преступный результат. Причинная связь прослеживается достаточно просто – вред причинен в результате преступного деяния – нанесения ударов.

Следует учитывать, что возможны ситуации, когда последствия не находятся в причинной связи с деянием. К примеру, действуя при превышении пределов необходимой обороны, защищающееся лицо ударяет нападавшего, но никакого вреда ему не причиняет. После этого нападавший, уже являющийся пострадавшим, поскольку защищающийся перешел к активным оборонительным действиям, убегает, спотыкается, падает, получает телесные повреждения, квалифицируемые как тяжкий вред здоровью. В данном случае между действиями – нанесением ударов, и последствием – тяжким вредом здоровью – причинно-следственная связь будет отсутствовать.

Подведем итог. В случае превышения пределов необходимой обороны и причинения определенного вреда, наступает уголовная ответственность, при этом, квалификация преступления определяется теми последствиями, которые наступили – степенью тяжести причиненного вреда либо смертью нападавшего. Уголовная ответственность наступает в том случае, если превышение пределов необходимой обороны привело к причинению тяжкого вреда здоровью посягающего (ч. 1 ст. 114 УК РФ) либо к его смерти (ч. 1 ст. 108 УК РФ). При этом, в случае причинения иной степени тяжести вреда здоровью (легкого, среднего) в случае превышения пределов необходимой обороны не предусмотрено, и мы такой подход в полной мере разделяем.

Превышение пределов необходимой обороны подразумевает, что противоправное посягательство все же имело место, просто оно было не столь опасным, что требовалось причинять нападающему тяжкий вред здоровью либо смерть. Средней степени тяжести вред здоровью не влечет за собой опасности для жизни (как это имеет место в случае причинения тяжкого вреда), поэтому полагаем, что и нет необходимости криминализации такого

последствия для деяний, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны.

Объективными признаками преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, как и в любом преступлении, выступают объект и объективная сторона. В качестве объекта исследуемых деяний надлежит рассматривать жизнь и здоровья человека, а объективной стороны – совокупность таких элементов, как действие, наступивший вред и причинную связь между ними.

2.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны

В числе субъективных признаков преступления традиционно выделяют субъекта и субъективную сторону.

Исследуя субъекта преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ, следует отметить, что законодатель четко обозначил возможность осуществления защиты не только представителями власти, иными уполномоченными лицами, но и любыми другими. То есть, рассматриваемое деяние может быть совершено фактически любым человеком.

Субъект преступления в российском уголовном праве определен достаточно четко, точнее, определены его признаки, отсутствие любого из которых влечет за собой невозможность признания лица субъектом преступления. Таких обязательных признаков три [15, с. 128].

Первый из них заключается в том, что субъектом преступления, то есть, подлежащим уголовной ответственности, может быть признано только физическое лицо, российская уголовно-правовая доктрина исключает возможность уголовной ответственности юридических лиц, так как они не могут признаваться субъектами преступления. Соответственно, в каждом

случае привлечения к уголовной ответственности устанавливается конкретное лицо, действия (бездействие) которого образуют уголовно-наказуемое деяние.

В качестве второго признака субъекта преступления выступаем вменяемость, так как в обязательном порядке необходимо устанавливать наличие ее у лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние. Она подразумевает два элемента: возможность лица осознавать происходящее, свои действия, их характер и опасность, а также руководить своими действиями, осуществлять контроль за поведенческими актами.

Указанные два критерия составляют юридический и волевой признаки вменяемости субъекта посягательства [25, с. 17]. И в каждом случае решения вопроса о квалификации действий данного лица, необходимо удостовериться, что указанные критерии не безупречны. При установлении особого психического состояния лица в момент совершения действий, следует ставить вопрос о степени вменяемости данного лица.

Отметим, что понятия вменяемости уголовный закон не содержит. Необходимо, для уяснения сущности данной категории, являющейся, невзирая на ее медицинское название, все же юридическим понятием, обладающим уголовно-правовым значением при квалификации содеянного, обращаться к толкованию признаков невменяемости. Законодатель избрал такой способ юридической техники – посредством включения в УК РФ понятия и признаков невменяемости, решать вопрос о вменяемости субъекта посягательства.

Итак, законодательная дефиниция понятия невменяемости приведена законодателем в статье 21 УК РФ. Состояние невменяемости определено как отсутствие возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Причинами отсутствия такой возможности может быть хроническое или временное психическое расстройство, слабоумие или иное болезненное состояние психики.

Содержание понятия невменяемости раскрывается с использованием двух критериев:

- юридического (психологического);
- медицинского (биологического).

Медицинский (биологический) критерий выражен в болезненных состояниях психики (хроническое психическое или временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики).

Юридический (психологический) критерий включает в себя интеллектуальный и волевой моменты. Интеллектуальный момент характеризует возможность осознания фактического характера и общественной опасности деяния. Волевой критерий отражает возможность направлять свое поведение в соответствии с имеющимися представлениями.

Невменяемость констатируется только при наличии обоих критериев: юридического и медицинского. По отдельности они не характеризуют состояния невменяемости [35, с. 74].

Невменяемость устанавливается только судом. Основанием для вынесения судебного решения о невменяемости лица являются данные дела, в том числе и заключение судебно-психиатрической экспертизы. Суд должен в описательной части своего постановления изложить юридические факты, которые были установлены в ходе судебного разбирательства, дать юридическую оценку данных деяний, а также привести мотивы такого решения. Однако, еще до решения судом вопроса о невменяемости, если заключением эксперта установлено, что лицо на момент совершения определенных действий не могло осознавать их характер и руководить ими, оно не будет выступать субъектом преступления. В данном случае можно вести речь только о совершении лицом общественно опасного деяния, а не преступления.

Таким образом, вторым признаком субъекта рассматриваемых деяний является вменяемость.

В качестве третьего обязательного признака субъекта преступления выступает возраст, который именуется как возраст привлечения к уголовной

ответственности. В настоящее время законодательно определено три таких возраста.

Четырнадцатилетний – пониженный возраст уголовной ответственности, предусмотренный для отдельных видов деяния, которые, как представляется, законодатель счел наиболее общественно опасными, настолько, что лица в возрасте до 14-ти лет способны осознавать непререкаемый запрет совершать определенные действия.

Шестнадцатилетний – общий возраст уголовной ответственности, по достижению которого лицо, совершившее преступление, отвечает за совершение подавляющего большинства преступлений (исключая те, за которые предусмотрен повышенный и пониженный возраст уголовной ответственности). Таким образом, законодатель полагает, что большинство деяний, которые запрещены уголовным законом, имеют такую степень общественной опасности, которая безусловно очевидна для лиц, достигших 16-ти лет.

Повышенный возраст уголовной ответственности. Определить его применительно ко всем деяниям в УК РФ сложно, поскольку он может быть различным применительно к отдельным деяниям, но преимущественно повышенным является возраст совершеннолетия (18 лет). И зачастую те деяния, за совершение которых ответственность возможна с данного возраста, связаны с посягательством на интересы несовершеннолетних [9, с. 207].

Не вызывает сомнений тот факт, что при определении возраста, с которого лицо должно нести уголовную ответственность за совершение того или иного деяния, законодатель исходил именно из степени его общественной опасности и способности осознавать ее лицами по достижению какого-либо возраста. Субъект причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны общий - физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16-ти лет. В данном случае законодатель исходил из того, что лицо, которому еще не исполнилось 16-ти лет, не в состоянии осознать общественную опасность своих действий. Полагаем, что с таким подходом можно согласиться, зачастую

даже взрослому лицу сложно определить, продолжается ли нападение, насколько оно опасно, подросток тем более вряд ли в состоянии четко оценивать происходящее.

Для деяний, совершаемых при превышении необходимой обороны, всегда характерна субъективная сторона, в рамках которой выделяется умышленная форма вины. Невозможно по неосторожности причинить вред при превышении пределов необходимой обороны, поскольку субъект обороняется, противопоставит нападению всегда умышленно. На умышленную форму вины указывает и наименование соответствующих норм уголовного закона. Так, в ст. 108 УК РФ законодатель использует термин «убийство», а не «причинение смерти», таким образом ориентируя правоприменителя на то, что в данном случае речь идет именно об умышленном причинении смерти, поскольку именно так в ч. 1 ст. 105 УК РФ определено понятие убийства.

Умысел при этом может быть различным – неопределенным, внезапно возникшим, прямым или косвенным.

Примером прямого умысла может являться следующий: «20 ноября 2016 года около 12 часов Г., находясь дома по своему месту жительства, распивала спиртные напитки со своими знакомыми Ч. и Н. В ходе распития спиртного в комнате квартиры между Г. и Ч. произошла ссора, в ходе которой Г. и Н. потребовали от Ч. уйти из квартиры Г. После этого Ч. вышел из комнаты в прихожую квартиры, Г. проследовала за ним. В прихожей квартиры между Г. и Ч. продолжилась словесная ссора, в ходе которой у Г. возник умысел на убийство Ч.

Г., около 12 часов 20 минут 20 ноября 2016 года взяла со стола в кухне квартиры кухонный нож и с целью убийства, умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, нанесла Ч. лезвием ножа, удар в область нахождения жизненно-важных органов, в том числе сердца.

Преступными действиями Г. потерпевшему Ч. было причинено проникающее колото-резаное ранение передне-левой поверхности грудной клетки с повреждением мягких тканей, пристеночной плевры, сквозным повреждением верхней доли левого легкого, поверхностным касательным повреждением наружной поверхности околосердечной сорочки, развитием левостороннего пневмоторакса (скопление воздуха) и кровотечения в левую плевральную полость объемом 1380 мл., которое обусловило причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни. От указанного проникающего колото-резаного ранения передне-левой поверхности грудной клетки Ч. скончался 20 ноября 2016 года на месте происшествия. Между получением проникающего колото-резаного ранения передне-левой поверхности грудной клетки и наступлением смерти имеется причинно-следственная связь» [41].

Можно привести и пример рассматриваемого деяния, совершенного с косвенным умыслом: «Ф. со своей матерью Н. и братом А. находились в принадлежащем Ф. домовладении, расположенном в садовом товариществе. Между Ф. и А. произошла ссора, поскольку А. стал высказывать претензии в адрес Ф. по поводу того, что данное домовладение принадлежит только ему, а не им обоим в равных долях. В ходе ссоры А. оскорблял и унижал Ф., высказывал в его адрес угрозу убийством, ударил его рукой по голове, а затем, удерживая, нанес множественные удары локтем и коленом в область туловища. Ф., пытаясь сопротивляться, укусил А. и вырвался, тогда А. схватил нож и попытался ударить им Ф., но последнему удалось выбить данный нож из руки А.

Далее Ф., понимая, что А. может причинить вред его здоровью или жизни, осознавая, что его действия не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства А., не стремясь причинить ему смерть, но относясь к этому безразлично, считая, что посягательство со стороны А. на него не прекращено, ударил А. ножом в грудь, от чего последний скончался. Ф. осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ» [11, с. 194].

Отметим, что в рассматриваемом случае законодатель избрал уже традиционный для него подход – дифференцировать ответственность за насильственные действия в зависимости от наступивших последствий. Он просматривается и в случае причинения вреда здоровью или смерти умышленно, без смягчающих обстоятельств, и в привилегированных составах.

С нашей точки зрения, было бы целесообразно вообще кардинально изменить законодательный подход к уголовной ответственности за умышленное причинение вреда. Исследователями считают, что в каждом случае необходимо устанавливать, каким конкретным способом был причинен вред здоровью, применялись ли при этом какие-либо орудия, средства, куда были нанесены удары, в какой обстановке совершалось деяние и были ли высказаны какие-либо угрозы, и в зависимости от этого определять степень общественной опасности деяния [33, с. 30].

Действительно, все указанные факторы значительно влияют на возможность причинения вреда.

Полагаем, что, как правило, нанося удары, применяя иное насилие, лицо не стремится причинить какой – то конкретный вред, да и вряд ли оно при этом знает, какие именно повреждения будут причинены и какой конкретный вред повлекут за собой, кроме того, невозможно предугадать точную степень причиняемого вреда здоровью в силу того, что он во многом может зависеть от конкретного потерпевшего и его физического состояния.

Так, удар ножом, направленный в одну и ту же часть тела человека, может повлечь одному причинение тяжкого вреда здоровью, повредив внутренние органы, а второму, в силу, к примеру, крепкого мышечного каркаса, не причинит вреда здоровью. Например, нанесение удара ножом в живот может ограничиться причинением легкого вреда здоровью или вовсе не повлечь его, а может в результате проникновения кончика ножа на небольшую глубину в брюшную полость привести к причинению тяжкого вреда здоровью человека.

В силу вышеуказанного, представляется, что разграничение

ответственности в зависимости от причиняемых последствий нецелесообразно, в наибольшей степени общественная опасность таких деяний, с нашей точки зрения, зависит от способа совершения преступления. Поэтому мы не видим необходимости выделения в отдельные составы умышленное причинение вреда здоровью и смерти при превышении пределов необходимой обороны. В этом случае лицо всегда действует в стрессовой обстановке, обусловленной нападением, оно преследует только одну цель – защититься, не настроено причинить в обязательном порядке смерть, тяжкий или иной вред здоровью, и вряд ли может прогнозировать, какие именно последствия наступят в результате его действий. Безусловно, оно нацелено причинить серьезный вред, вследствие которого будет чувствовать себя в безопасности, но конкретизировать этот вред вряд ли способно.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что субъект рассматриваемых преступления общий – вменяемое физическое лицо в возрасте от 16-ти лет, субъективная сторона представлена умыслом, преимущественно неконкретизированным.

Нами разделяется позиция законодателя, установившего общий возраст уголовной ответственности за рассматриваемые деяния, поскольку подросток до 16-ти лет не способен четко оценить сложившуюся ситуацию и осознать, что его действия выходят за рамки пределов необходимой обороны.

В то же время, не можем согласиться с законодательным подходом, в основе которого разграничение деяний, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны – наступившие последствия. В качестве аргументов изложенной нами позиции можем привести следующие:

- действующее в состоянии необходимой обороны лицо не может в полной мере определить, к наступлению каких именно последствий приведут его действия, в частности, наступит ли смерть нападавшего, какой степени тяжести здоровью вред будет ему причинен;
- существенным значением обладает физическое состояние

нападавшего, посягательство которого пытаются пресечь обороняющийся, поскольку, нанесение одного и того же удара – в конкретное место и с определенной силой – может привести к разным последствиям в зависимости от физической формы человека, состояния его мышц, костей, наличия болезней и т.д. Нередко исход зависит о своевременности и качества оказанной потерпевшему медицинской помощи, поэтому сложно говорить о том, что наступление смерти нападавшего имеет гораздо большую степень общественной опасности чем причинение ему тяжкого вреда здоровью. Следует учесть, что один из признаков причинения тяжкого вреда здоровью – опасность для жизни в момент причинения, и при одних и тех же действиях обороняющегося, но разном качестве оказания медицинской помощи последствия могут различаться.

В силу приведенных аргументов мы полагаем, что в большей степени принципу справедливости будет отвечать наличие одной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда или смерти при превышении пределов необходимой обороны.

Глава 3 Проблемы квалификации преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны

Преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны, привлекают внимание исследователей по той причине, что при их квалификации возникает значительное количество разнообразных проблем. Несмотря на то, что существуют разъяснения высшей судебной инстанции и наработана определенная правоприменительная практика по данному виду преступлений, нередко встречаются судебные ошибки, преимущественно связанные с двумя аспектами:

- определением, имело ли место превышение пределов необходимой обороны либо лицо действовало правомерно, не допуская нарушения условий;
- разграничением деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, с иными преступлениями.

Нами уже было отмечено, что формулировка ст. 37 УК РФ достаточно сложна для восприятия и фактически решение вопроса о том, соблюдены ли условия правомерности необходимой обороны либо были превышены ее пределы, осуществляется на основании оценочных понятий, что всегда свидетельствует об определенном субъективном усмотрении правоприменителей, заключающемся в том, что одни и те же обстоятельства разными субъектами уголовного судопроизводства могут быть расценены по-разному.

Для подтверждения изложенного целесообразно будет привести пример из практики, иллюстрирующий ошибочную квалификацию действий лица в состоянии необходимой обороны, когда необоснованно они были расценены как преступные вследствие превышения обороняющимся пределов рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Советский районный суд г. Астрахани рассмотрел уголовное дело в отношении К., которому органами расследования было инкриминировано

совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ. Суд первой инстанции вынес обвинительный приговор в отношении К., установив следующие обстоятельства совершенного деяния.

Проходя по улице в темное время суток, Т. и Д. увидели К., ранее им незнакомого, и решили похитить имущество последнего. Они проследовали за К., чтобы выбрать место, где нет посторонних людей, и увидели, как К. зашел в подъезд. Полагая, что там никто не помешает реализации их преступных намерений, Т. и Д. вошли следом за К. в подъезд и увидели, что последний присел на корточки у стены тамбура и закурил сигарету.

Д., воспользовавшись тем, что К. находится в неудобном для сопротивления положении, поскольку быстро встать не сможет, подошел к нему и попытался стянуть с руки последнего часы, а с пальца – кольцо, однако К. пытался сопротивляться. Тогда Д., чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению, нанес ему несколько ударов по лицу и голове руками, а Т. присоединился к нему и тоже стал наносить удары по телу и лицу К. руками и ногами.

К., желая прекратить избиение, поскольку испытывал сильную физическую боль, достал из кармана своей куртки имеющийся у него при себе складной нож и нанес нападавшим удары. Д. он ударил один раз ножом в живот, от чего последний скончался, Т. он нанес удары в живот и голову, в результате чего Т. был причинен тяжкий вред здоровью.

Орган расследования и суд первой инстанции, квалифицируя действия К. как выходящие за пределы необходимой обороны, указали в своем решении, что К. действовал умышленно, осознавая при этом, что превышает пределы необходимой обороны.

Такую же позицию заняла и судебная коллегия по уголовным делам областного суда, оставив без изменения приговор в отношении К., вынесенный судом первой инстанции.

Однако решения указанных судов были отменены Президиумом областного суда, который пришел к выводу об отсутствии в действиях К.

составов инкриминируемых ему преступлений, установив, что последний действовал в состоянии необходимой обороны. В качестве аргументов в решении Президиума были приведены следующие.

К. в своих показаниях пояснил, что, сидя на корточках и пытаясь защититься от наносимых ему Д. и Т. ударов, он достал нож и стал отмахиваться им, не глядя, куда именно он наносит удары, полагая, что нападавшие прекратят свои действия, испугавшись ножа.

В решениях, вынесенных нижестоящими судами, было указано, что у К. отсутствовала возможность встать во время нападения, поскольку ему наносились удары двумя лицами, стоящими над ним, и применение ножа К. было обусловлено попыткам противостоять нападавшим, силы с которыми у него были неравны. При этом, у нападавших при себе никакого оружия или предметов, которые могли бы использоваться в качестве него, не было. Согласно заключению медицинской судебной экспертизы, у К. имелись телесные повреждения, которые не повлекли за собой вреда здоровью, в то время как он причинил нападавшим тяжкий вред здоровью и смерть. Эти обстоятельства и сформировали у судов первой и апелляционной инстанции вывод о том, что К. допустил превышение пределов необходимой обороны.

Президиум отметил ошибочность указанных выводов, поскольку обстановка, в которой действовал К., свидетельствует о том, что он действовал правомерно, так как его здоровью и жизни угрожала реальная опасность – силы были неравными, так как избитию его подвергли два лица, он находился в положении сидя и не мог подняться в силу неправомерных действий напавших лиц. Президиум пришел к выводу, что К. действовал в состоянии необходимой обороны и прекратил в отношении него уголовное дело [39].

Помимо отграничения правомерных действий в состоянии необходимой обороны и действий, выходящих за ее пределы, нельзя обойти вниманием и проблемы отграничения от иных преступлений. Так, в некоторых случаях допускаются ошибки при определении, какое именно противоправное деяние было совершено. Преимущественно указанный вопрос возникает в том

случает, когда следует разграничить убийство или причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны с другими привилегированными видами таких преступлений.

В частности, ст. 107 УК РФ предусмотрена ответственность за убийство в состоянии аффекта, в ст. 113 – за причинение тяжкого или средней тяжести вреда, причиненного в состоянии аффекта.

В целях разграничения деяний, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны и в состоянии аффекта, необходимо, по справедливому замечанию В.А. Якушина, определять два важнейших момента:

- имело ли место состояние необходимой обороны в момент причинения вреда здоровью или смерти;
- не находился ли причинитель вреда в состоянии аффекта [55, с. 230].

При разграничении исследуемых составов правоприменители испытывают сложности по той причине, что они обладают определенными сходствами между собой.

Прежде всего, в каждом из рассматриваемых случаев потерпевшему присуще противоправное поведение, характер которого различен, однако, элементы противоправности все же присутствуют.

Еще один значимый аспект – деяние может быть начато в состоянии необходимой обороны, но перерасти при этом в деяние, совершенное в состоянии аффекта. Например, если произошло нападение и потерпевший от него, обороняясь, начал наносить удары нападавшему, чтобы пресечь его действия, но по мере их нанесения впал в состояние аффекта и не мог полностью себя контролировать, причинил вред, который несоразмерен посягательству именно по причине нахождения в состоянии аффекта, можно говорить о том, что действия, начатые в состоянии необходимой обороны, переросли в действия, совершаемые в состоянии аффекта, и квалификация содеянного в таком случае должна будет осуществляться по ст. 107 УК РФ, а не по ст. 108 УК РФ.

Для полного понимания тех признаков, на основании которых происходит разграничение рассматриваемых составов, требуется определить те признаки, которые в исследуемых деяниях различны, что и обусловило существование отдельных соответствующих составов преступлений, регламентированных самостоятельными нормами Особенной части УК РФ.

В первую очередь, на повод совершения преступления «отличается в рассматриваемых деяниях и позволяет верно ориентировать правоприменителя на то, какая из норм уголовного закона должна быть применена в каждом конкретном случае. В некоторых случаях поводы совпадают, но зачастую имеют и отличия» [55, с. 230].

Так, для необходимой обороны (превышения ее пределов) почти всегда в качестве повода начала оборонительных действий выступает насилие, применяемое потерпевшим, в то время как при аффекте насилие со стороны потерпевшего встречается реже, чаще действия потерпевшего заключаются в оскорблениях, аморальном поведении, унижении лица, у которого вследствие таких действий возникает аффективное состояние.

Даже в том случае, когда насилие является поводом совершения в обоих рассматриваемых деяниях, различна его интенсивность. Если возникновение аффекта преимущественно обусловлено насилием, направленным на оскорбление, унижение потерпевшего, то при необходимой обороне оно выступает в качестве составляющей нападения, от которого и стремится защититься или защитить иных лиц обороняющийся.

Временной период возникновения ответного реагирования на поведение потерпевшего также может быть различен. Для причинения вреда здоровью, убийства в состоянии аффекта, характерен минимальный разрыв во времени между действиями потерпевшего и ответной реакцией в виде применения насилия лица в состоянии аффекта. Однако возможны и более длительные промежутки. Практике известны случаи квалификации как убийства в состоянии аффекта ситуаций, когда жена, терпевшая систематические издевательства и оскорбления со стороны мужа, находясь в состоянии

аффекта, вызванного очередным аморальным актом последнего, дождалась, когда он уснул и нанесла ему 24 удара топором по голове и телу, от чего последний скончался [44].

Для убийства или причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны характерно совершение обороняющимся действий непосредственно в момент нападения либо сразу после его окончания.

В качестве разграничительных признаков исследуемых преступлений также можно назвать мотив и цель совершения преступления. При превышении пределов необходимой обороны лицо всегда выполняет свои действия для того, чтобы пресечь противоправное посягательство, хотя и не всегда верно его оценивает. Для совершения деяний в состоянии аффекта мотив обусловлен соответствующим состоянием – лицо не в полной мере отдает отчет своим действиям.

Также разграничительным критерием выступает цель совершения преступления. Целью субъекта при совершении преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, является устранение отрицательных проявлений: насилия, издевательств, тяжких оскорблений со стороны потерпевшего, а также ликвидация длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. «При превышении пределов обороны цель – предотвращение посягательства, угрожающего непосредственным причинением физического или материального вреда» [34, с. 13].

Исследуя проблемы квалификации деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, нельзя обойти вниманием и вопросы их отграничения от иных преступлений, посягающих на здоровье и жизнь другого лица.

Так, достаточно сложно отграничивать убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, от обычного убийства, регламентированного ст. 105 УК РФ. Указанная норма выступает общей по отношению к ст. 108 УК РФ, поэтому, если присутствуют признаки

превышения пределов необходимой обороны, квалификация должна осуществляться по специальной норме, но сложность заключается именно в определении указанных признаков [23, с. 46].

Прежде всего, в данном случае надлежит определить цель совершения преступления. Если в качестве нее выступает защита от противоправного посягательства, действия обороняющегося квалифицируются как совершенные при превышении пределов необходимой обороны. Если же лишение жизни потерпевшего осуществляется тогда, когда угроза нападения устранена или посягательство удалось предотвратить, содеянное образует преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, но при условии, что лицо осознавало факт того, что посягательство уже окончено и никакой угрозы нет.

Сложнее всего разграничение рассматриваемых деяний производить в случае причинения смерти в драке. С одной стороны, убийство в драке представляет собой так называемое «простое», то есть, неквалифицированное убийство.

Можно привести следующий пример: «П. органами расследования было инкриминировано деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, однако, государственным обвинителем в ходе судебного заседания был изменен объем обвинения, он утверждал, что действия П. должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поскольку незадолго до убийства, Ф. постучал в дверь квартиры П., последний его не пустил, тогда Ф. попытался проникнуть против воли владельца квартиры П. в окно жилища последнего. П. потребовал от Ф. прекратить попытки проникновения в его квартиру, но Ф. проигнорировал данное требование. Тогда П. взял лежащий рядом кухонный нож и нанес им удар ножом в область шеи Ф., от чего наступила смерть последнего. Суд согласился с позицией государственного обвинителя, мотивируя это тем, что П. был выбран метод защиты, явно несоответствующий характеру и степени общественно опасного посягательства, поэтому его действия переквалифицированы на ч. 1 ст. 108 УК РФ» [43].

Верная квалификация причинения смерти в ходе драки возможна только при условии установления мотива субъекта преступления, при превышении пределов необходимой обороны он всегда состоит в стремлении противостоять противоправному посягательству.

Также достаточно сложно разграничивать убийство в состоянии необходимой обороны и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности. На наш взгляд, в данном случае разграничительный критерий состоит в разных формах вины. Так, преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ совершается с двойной формой вины, а убийство при эксцессе необходимой обороны всегда является преступлением, совершаемым с прямым умыслом.

Говоря о составах преступлений, схожих с убийством при превышении пределов необходимой обороны, необходимо уделить внимание составу преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ- причинению смерти по неосторожности. Здесь также, как и в вышеуказанном случае, «разграничение должно проводиться по форме вины, поскольку преступление, регулируемое ст. 109 УК РФ, всегда совершается с неосторожной формой вины, о чем прямо говорит диспозиция данной статьи. Нельзя не отметить, что и органы предварительного расследования и суды применяют меры о необходимой обороне не особо охотно, предпочитая вменить простой состав убийства вместо привилегированного, действуя по упрощенной схеме» [55, с. 230].

Подведем итог. Квалификация деяний, совершаемых с превышением пределов необходимой обороны, сопряжена с рядом трудностей, что приводит к ошибкам в правоприменительной практике и отсутствию ее единообразия.

Первая проблема заключается в определении правомерности действий лица в состоянии необходимой обороны и отграничении от действий, совершенных при превышении пределов. Законодательная формулировка, включающая в себя преимущественно оценочные понятия, не позволяет четко определить, в каком случае действия обороняющегося соответствуют реальной обстановке и являются соразмерными, а в каком случае они выходят

за необходимые пределы. Поэтому существуют примеры, когда органы расследования и суды признают лиц виновных в совершении преступлений, связанных с причинением вреда при превышении пределов необходимой обороны, а вышестоящие судебные инстанции изменяют такие решения, не усматривая состава преступления в действиях обороняющегося. Решению указанной проблемы может способствовать реализация предложений, внесенных нами ранее – четкое законодательное определение ситуаций, в которых возможно причинение любого вреда, включая и смерть нападавшего.

Еще одна проблема связана со сложностью отграничения деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, от иных привилегированных составов преступлений. Рассмотрев соотношение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ с деяниями, предусмотренными ст. 107 и 113 УК РФ (совершенными в состоянии аффекта) мы пришли к выводу о наличии у них достаточного количества схожих признаков, что и затрудняет их разграничение:

- рассматриваемые деяния могут быть обусловлены насилием со стороны потерпевшего;
- реакция причинителя вреда на противоправное поведение потерпевшего происходит преимущественно в минимальный срок после совершения указанным лицом противоправных действий.

Однако не мало и отличительных признаков у рассматриваемых деяний, в частности, среди них можно назвать мотив и цели. Когда лицо действует в случае совершенного нападения, при необходимой обороне, его целью выступает предотвращение общественно опасного посягательства. В случае же состояния аффекта мотивом и целью лица является прекращение тех действий, которые составляет потерпевший, его негатива непосредственно в сторону причинителя вреда (тогда как при необходимой обороне действия могут быть направлены и на защиту иных лиц, государственных и общественных интересов).

Наличие многочисленных признаков, обуславливающих сходство рассматриваемых деяний, обуславливает невозможность их разграничения по какому-либо конкретному признаку, требуется полный анализ всех признаков состава преступления и обстоятельств его совершения в совокупности.

Еще одна выявленная проблема – необоснованная квалификация причиненного вреда при превышении пределов необходимой обороны по общим нормам, в зависимости от наступивших последствий, а не по соответствующей ситуации специальным нормам, предусматривающим ответственность за причинение вреда при превышении пределов. Устранить такие ошибки возможно только путем изменения вынесенного решения вышестоящим судом, но нельзя не обратить внимание и на тот факт, что каждая такая ошибка негативно сказывается на обществе в целом. Зачастую граждане предпочитают не защищать общественные интересы, других лиц, от противоправных нападений, опасаясь несправедливого причинения к уголовной ответственности.

Все перечисленные проблемы, по нашему мнению, являются следствием некорректной формулировки ст. 37 УК РФ, в связи с чем в полной мере граждане, не обладающие юридической грамотностью, не могут четко понимать, в каких случаях их действия будут считаться правомерными, а субъекты уголовного судопроизводства не всегда верно квалифицируют содеянное. Только совершенствование уголовно-правовых норм и их реализация надлежащим образом на практике будет способствовать разрешению обозначенных проблем.

Заключение

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, известен российскому государству с давних времен – с момента появления первого письменного источника уголовного права, когда впервые была регламентирована необходимая оборона, определяющая возможность причинения вреда лицу, посягающему на охраняемые законом интересы. Постепенно расширяется содержание права на необходимую оборону, помимо защиты собственности, она начинает включать в себя защиту личных прав, также происходит и расширение круга обстоятельств, исключающих преступность деяния, а к концу дореволюционного периода российского государства они приобретают определенную систематизацию. При этом необходимая оборона – неотъемлемый институт уголовного права с начала появления его в российском законодательстве и до настоящего времени.

Действующий УК РФ обеспечил систематизацию обстоятельств, исключающих преступность деяния, сосредоточив их в отдельной главе 8, но ее наименование не отвечает в полной мере сущности закрепленных в ней положений, в связи с чем предлагается переименовать данную главу в «Разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния».

Необходимая оборота – одно из значимых обстоятельств, исключающих преступность деяния, определяющее разрешение причинения вреда в случае осуществления противоправного посягательства, от которого защищается, обороняется лицо.

Наличие состояния необходимой обороны исключает признания деяния преступным в случае причинения вреда посягающему, но при соблюдении определенных условий, в качестве которых выступают следующие:

- обороняющийся действовал в целях защиты интересов, находящихся под охраной закона;

- оборона и причиненный в результате нее вред посягающему были своевременными – действия предприняты обороняющимся в момент наличия противоправного посягательства, а не до или после него;
- не допущено превышения пределов обороны, необходимой для противодействия противоправному посягательству.

С нашей точки зрения, современная формулировка такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как необходимая оборона, создает существенные сложности для правоприменителей, так как изобилует оценочными понятиями, вследствие чего, допускаются ошибки в разграничении правомерных и неправомерных действий и не всегда верно определяется, было ли допущено превышение пределов необходимой обороны. Для разрешения указанных проблем полагаем необходимым внести некоторые уточнения и изменения в ст. 37 УК РФ:

- признать правомерным причинение любого вреда, включая и лишение жизни посягающего, в случае применения им опасного насилия, под которым предлагается понимать неоднократные удары, наносимые другим лицам, применение оружия или предмета, используемого в качестве оружия;
- сократить и упростить изложение диспозиции ст. 37 УК РФ путем вынесения определения необходимой обороны в качестве примечания к данной статье.

При нарушении пределов необходимой обороны наступает уголовная ответственность, особенности квалификации таких деяний будут подробно рассмотрены в последующих частях данной работы.

В случае превышения пределов необходимой обороны и причинения определенного вреда, наступает уголовная ответственность, при этом, квалификация преступления определяется теми последствиями, которые наступили – степенью тяжести причиненного вреда либо смертью нападавшего. Уголовная ответственность наступает в том случае, если превышение пределов необходимой обороны привело к причинению тяжкого

вреда здоровью посягающего (ч. 1 ст. 114 УК РФ) либо к его смерти (ч. 1 ст. 108 УК РФ). При этом, в случае причинения иной степени тяжести вреда здоровью (легкого, среднего) в случае превышения пределов необходимой обороны не предусмотрено, и мы такой подход в полной мере разделяем.

Превышение пределов необходимой обороны подразумевает, что противоправное посягательство все же имело место, просто оно было не столь опасным, что требовалось причинять нападающему тяжкий вред здоровью либо смерть. Средней степени тяжести вред здоровью не влечет за собой опасности для жизни (как это имеет место в случае причинения тяжкого вреда), поэтому полагаем, что и нет необходимости криминализации такого последствия для деяний, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны.

Объективными признаками преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, как и в любом преступлении, выступают объект и объективная сторона. В качестве объекта исследуемых деяний надлежит рассматривать жизнь и здоровья человека, а объективной стороны – совокупность таких элементов, как действие, наступивший вред и причинную связь между ними.

Субъект рассматриваемых преступления общий – вменяемое физическое лицо в возрасте от 16-ти лет, субъективная сторона представлена умыслом, преимущественно неконкретизированным. Нами разделяется позиция законодателя, установившего общий возраст уголовной ответственности за рассматриваемые деяния, поскольку подросток до 16-ти лет не способен четко оценить сложившуюся ситуацию и осознать, что его действия выходят за рамки пределов необходимой обороны.

В то же время, не можем согласиться с законодательным подходом, в основе которого разграничение деяний, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны – наступившие последствия. В качестве аргументов изложенной нами позиции можем привести следующие:

- действующее в состоянии необходимой обороны лицо не может в

полной мере определить, к наступлению каких именно последствий приведут его действия, в частности, наступит ли смерть нападавшего, какой степени тяжести здоровью вред будет ему причинен;

- существенным значением обладает физическое состояние нападавшего, посягательство которого пытается пресечь обороняющийся, поскольку, нанесение одного и того же удара – в конкретное место и с определенной силой – может привести к разным последствиям в зависимости от физической формы человека, состояния его мышц, костей, наличия болезней и т.д.

Нередко исход зависит от своевременности и качества оказанной потерпевшему медицинской помощи, поэтому сложно говорить о том, что наступление смерти нападавшего имеет гораздо большую степень общественной опасности чем причинение ему тяжкого вреда здоровью. Следует учесть, что один из признаков причинения тяжкого вреда здоровью – опасность для жизни в момент причинения, и при одних и тех же действиях обороняющегося, но разном качестве оказания медицинской помощи последствия могут различаться.

В силу приведенных аргументов мы полагаем, что в большей степени принципу справедливости будет отвечать наличие одной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда или смерти при превышении пределов необходимой обороны.

Квалификация деяний, совершаемых с превышением пределов необходимой обороны, сопряжена с рядом трудностей, что приводит к ошибкам в правоприменительной практике и отсутствию ее единообразия.

Первая проблема заключается в определении правомерности действий лица в состоянии необходимой обороны и отграничении от действий, совершенных при превышении пределов. Законодательная формулировка, включающая в себя преимущественно оценочные понятия, не позволяет четко определить, в каком случае действия обороняющегося соответствуют

реальной обстановке и являются соразмерными, а в каком случае они выходят за необходимые пределы. Поэтому существуют примеры, когда органы расследования и суды признают лиц виновных в совершении преступлений, связанных с причинением вреда при превышении пределов необходимой обороны, а вышестоящие судебные инстанции изменяют такие решения, не усматривая состава преступления в действиях обороняющегося. Решению указанной проблемы может способствовать реализация предложений, внесенных нами ранее – четкое законодательное определение ситуаций, в которых возможно причинение любого вреда, включая и смерть нападавшего.

Еще одна проблема связана со сложностью отграничения деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, от иных привилегированных составов преступлений. Рассмотрев соотношение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ с деяниями, предусмотренными ст. 107 и 113 УК РФ (совершенными в состоянии аффекта) мы пришли к выводу о наличии у них достаточного количества схожих признаков, что и затрудняет их разграничение:

- рассматриваемые деяния могут быть обусловлены насилием со стороны потерпевшего;
- реакция причинителя вреда на противоправное поведение потерпевшего происходит преимущественно в минимальный срок после совершения указанным лицом противоправных действий.

Однако не мало и отличительных признаков у рассматриваемых деяний, в частности, среди них можно назвать мотив и цели. Когда лицо действует в случае совершенного нападения, при необходимой обороне, его целью выступает предотвращение общественно опасного посягательства. В случае же состояния аффекта мотивом и целью лица является прекращение тех действий, которые составляет потерпевший, его негатива непосредственно в сторону причинителя вреда (тогда как при необходимой обороне действия могут быть направлены и на защиту иных лиц, государственных и общественных интересов).

Наличие многочисленных признаков, обуславливающих сходство рассматриваемых деяний, обуславливает невозможность их разграничения по какому-либо конкретному признаку, требуется полный анализ всех признаков состава преступления и обстоятельств его совершения в совокупности.

Еще одна выявленная проблема – необоснованная квалификация причиненного вреда при превышении пределов необходимой обороны по общим нормам, в зависимости от наступивших последствий, а не по соответствующей ситуации специальным нормам, предусматривающим ответственность за причинение вреда при превышении пределов. Устранить такие ошибки возможно только путем изменения вынесенного решения вышестоящим судом, но нельзя не обратить внимание и на тот факт, что каждая такая ошибка негативно сказывается на обществе в целом. Зачастую граждане предпочитают не защищать общественные интересы, других лиц, от противоправных нападений, опасаясь несправедливого причинения к уголовной ответственности.

Все перечисленные проблемы, по нашему мнению, являются следствием некорректной формулировки ст. 37 УК РФ, в связи с чем в полной мере граждане, не обладающие юридической грамотностью, не могут четко понимать, в каких случаях их действия будут считаться правомерными, а субъекты уголовного судопроизводства не всегда верно квалифицируют содеянное. Только совершенствование уголовно-правовых норм и их реализация надлежащим образом на практике будет способствовать разрешению обозначенных проблем.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдурагимов З.Г. Понятие и признаки объекта преступления, классификация объектов преступления // Молодой ученый. 2022. № 8 (403). С. 65-69.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда от 27 июля 2017 г. по делу № 49-АПУ17. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).
3. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. по делу № 34-АПУ17-1сп. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 28 августа 2020 г. по делу № 22-5184/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).
5. Афендииков В.С. Проблемы правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. С. 11-16.
6. Богданова А.И., Белокаменская Э.Г. Жизнь человека как объект уголовно – правовой охраны // Право в современном мире. Сборник научных статей по итогам работы II международного круглого стола. 2019. С. 46-50.
7. Борисов А.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Книжный мир. 2015. 678 с.
8. Бредихин А.Л. К вопросу о понятии объекта преступления // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1 (9). С. 40-45.
9. Вартамян Г.А., Онищенко О.Р. К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности // Вестник Омского университета. 2017. № 1 (50). С. 207-212.

10. Васильев Ю.В., Сердюкова Е.В., Чуниха А.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Ставрополь, 2021. 393 с.
11. Васяев Д.В. О законодательной регламентации и судебном определении мотива и цели убийств, предусмотренных в ст. 108 УК РФ // Вестник СамГУ. 2013. № 5 (106). С. 193-197.
12. Галимов М.Р. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы совершенствования законодательства. Сборник научных статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России). Махачкала. 2019. С. 22-25.
13. Гарбатович Д.А. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2013. № 1. С. 12-15.
14. Гогин Н.О. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Научный Лидер. 2022. № 2 (47). С. 117-121.
15. Дайшутов М.М., В.И. Динека. Признаки субъекта преступления и его правовые категории // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 127-132.
16. Добрынина К.Е. Некоторые вопросы превышения пределов необходимой обороны // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 16. С. 792-795.
17. Домрычева О.Н. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения, защиты. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 102-106.
18. Егорова Н.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, по уголовному законодательству России: проблема определения понятия // В сборнике: Юридическая наука: история, современность, перспективы. Сборник материалов VII международной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. 2016. С. 13-17.
19. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. 9 января. 1993. № 4.

20. Зеленев А.В. Современный институт обстоятельств, исключающих преступность деяния: проблемы законодательного закрепления и перспективы развития // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 242-248.

21. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: авторский взгляд на нерешенные проблемы // Уголовное право. 2021. № 10 (134). С. 15-19.

22. Кобец П.Н. Уголовно-правовое значение обстоятельств, исключающих преступность деяния // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 12-3. С. 94-99.

23. Козлов А.Е. Современные проблемы квалификации необходимой обороны // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. № 2. С. 46-50.

24. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2023).

25. Макеева Л.С. Понятие и критерии вменяемости и невменяемости // Наука и технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник научных трудов по материалам XII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 27 июля 2020 г.). Анапа : Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2020. С. 17-23.

26. Марченко А.В., Юшин М.М. К проблеме превышения пределов необходимой обороны // В сборнике: Новый этап развития науки. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. 2017. С. 114-118.

27. Матвейчук О.А. К вопросу о необходимой обороне в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 2. № 7. С. 22-27.

28. Матова Л.С. Обстоятельства, исключают преступность деяния: история становления и развития // Актуальные проблемы права, экономики и управления. Сборник материалов студенческой научной конференции. В 2-х частях. Отв. редактор Н.М. Ладнушкина. Саратов, 2021. С. 188-193.

29. Механошина Е.К. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния // Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития. Сборник Международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2017. С. 68-72.

30. Михалевский Г.О. Объект преступлений против жизни // Вестник Владимирского государственного университета. 2015. № 3. С. 27-31.

31. Моллаев Э.К. Дискуссионные вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 35-40.

32. Монетов К.А. Понятие объекта преступления в российском уголовном праве // Проблемы научной мысли. 2019. Т. 7. № 1. С. 60-64.

33. Моргунова С.В. Ответственность за умышленное причинение вреда здоровью // Вестник Владимирского государственного университета. 2016. № 2. С. 31-36.

34. Никитин А. Проблемы применения необходимой обороны как обстоятельства, исключающие преступность деяния // Журнал «Познавательный». 2014. № 5. С. 12-16.

35. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Под ред. А.В. Галаховой. - М. : Норма. 2014. 452 с.

36. Помогаева К.В. История становления и развития уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния // Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск. 2021. С. 107-114.

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (в ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012, 3 октября.

38. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 35. Ст. 4308.

39. Постановление Президиума Астраханского областного суда от 27 февраля 2012 года по делу № 01-0368/ 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.07.2023).

40. Прасолова М.Ю. Причинно-следственная связь как признак объективной стороны преступления // Новый юридический вестник. 2019. № 7 (14). С. 36-41.

41. Приговор Городецкого городского суда Нижегородской области от 12 декабря 2017 года по делу № 1-126/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.05.2023).

42. Приговор Зеленоградского районного суда Московской области от 23 июля 2022 года по делу № 1-78/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).

43. Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 06 февраля 2018 года по делу № 1-35/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).

44. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 29 января 2022 года по делу № 1-27/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).

45. Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 30 июля 2020 года по делу № 1-245/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).

46. Приговор Партизанского городского суда Приморского края от 03 ноября 2020 года по делу № 1-230/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).

47. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 02 июля 2018 года по делу № 1- 132/ 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.23).

48. Рулева П.И. Исторический аспект института обстоятельств, исключающих преступность деяния // Молодежь в науке: новые аргументы. Сборник научных работ V Международной молодежной конференции. Отв. ред. А.В. Горбенко. 2020. С. 104-109.

49. Смирнов Р.Ю. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против здоровья человека в уголовном праве России: вопросы теории и практики: монография. Рязань: Концепция, 2014. 427 с.

50. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: дисс. ... д-ра юр. наук. Майкоп, 2014. 329 с.

51. Трухин А.М. Понятие и значение видового объекта преступления // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей. Томский государственный университет. Томск, 2011. С. 8-12.

52. Тютюнник И.Г. Уголовно-правовая ответственность в сфере охраны здоровья граждан // Российский следователь. 2016. № 19. С. 36 - 39.

53. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

54. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.23).

55. Якушин В.А. Некоторые вопросы квалификации убийств // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. №. 2. С. 230-235.